

САПФИРОВАЯ БАБОЧКА

Annotation

Мне было шестьдесят, когда я умерла. В новом мире мне восемнадцать. Король невлюбил мою семью, и мне приходится скрываться от навязанного жениха, жестокого пьяницы. Я мало что знаю про этот мир, зато я многое знаю о людях.

Я сидела за стойкой, потягивала коктейль и смотрела на гибких танцовщиц-змеек. Над сценой сверкала и переливалась огнями надпись 2000. Подруги уговорили меня встретить Новый год вместе с ними в клубе. "Может, подцепишь кого-нибудь", — подмигнула мне Машка.

Мне тридцать девять, пять лет назад я развелась, дети выросли — одному девятнадцать, другому шестнадцать, и на праздник они разбрелись по своим компаниям. Днем я заехала к родителям, но они ждали три пары своих друзей, и мое присутствие вовсе не требовалось. Может, и правда, в клуб? Я решила, что это будет интересный опыт.

Подруги часто подтрунивали надо мной, что я все еще ищу большую любовь. Да, ищу. Почему бы и нет? С бывшим мужем мы разошлись мирно, гадостей друг другу не делали. Я не сидела монашкой, у меня были мужчины за эти годы. Мы знакомились, встречались какое-то время, но я понимала — не то, не греет, не тянет. И расставалась я тихо, без скандала, без обвинений. Если один раз у меня была большая любовь, то почему бы еще раз не случиться.

Что Машка, что Катька порой пускались в любовные приключения: познакомиться в клубе и тут же уговориться поехать в гости. "Главное", — наставляла меня Катька, — "проснуться первой и исчезнуть. И — вуаля, ты от него сама ушла". Ну да, а если проснешься позже, то увидишь равнодушные глаза и зевающего кавалера, который мечтает, чтоб ты выметалась вон, наконец.

Я допила третий коктейль. Может, и правда, позволить себя соблазнить, увлечь... Может, пусть это будет незнакомец, про которого я ничего не знаю, ни его слабостей, ни его тараканов, ни его проблем... Может, разрешить этой ночи закружить меня, завертеть в страсти, уронить в круговорот музыки и огней... Тьфу ты, Агата, надо бросать читать всякую дрянь по дороге на работу. Пристрастилась к дешевым любовным романам, и вот результат. Сама знаешь эти книжонки: через неделю уже не помнишь ни сюжета, ни героев. Одноразовые романы — они такие. Не успела дочитать, уже обложка затрепалась. И равнодушные глаза наутро.

Нет, такого опыта у меня пока не было, и приобретать его никакого желания нет. Я не верю в любовь с первого секса. Да, вот такая я несовременная. Как и мое имя.

Закончив коктейль я слезла с высокого стула, махнула девчонкам, которые отплясывали в отблесках зеркального шара с какими-то парнями, и направилась в дамскую комнату. Освежившись, я немного постояла в коридорчике, прислонившись к стенке и прикрыв глаза. Сюда слабо доносился шум из зала, а мне хотелось немного тишины. В противоположном конце коридора хлопнула дверь мужских удобств, и кто-то пошел в мою сторону. — Вам плохо? — Что?

Я отлепилась от стены и посмотрела на вопрошающего. Мужчина чуть за сорок, правильные черты лица, подтянутый, и в отличие от многих других, кто пришел на праздник в клуб в джинсах и джемпере, мой собеседник был одет в темно-серую рубашку и черные брюки. — Нет, спасибо, решила отдохнуть в тишине. — Да, я тоже перестал долго выносить шумные праздники. Вас проводить? — Спасибо, но я еще отдохну немного. Ой!

В коридорчик вышла компания парней, которых я меньше всего хотела сейчас видеть. Хорошо, что не пересеклись в зале. Я взмолилась: — Пожалуйста, постойте вот так, пока они не пройдут. — Бывший? — усмехнулся мужчина. — Хуже. Студенты. — И на недоуменный взгляд пояснила. — Я преподаю химию в меде. Второго января один из них придет на пересдачу. Представляете, если б он меня здесь увидел? — Представляю. Окружили бы вас мольбами и коктейлями.

Мы засмеялись. — Простите, я не знаю вашего имени. — Агата. А вы? — Валерий. Агата, здесь этажом выше есть зал ресторана. Он сейчас не работает. Может, посидим в тишине?

Мы тихо прошли в зал и устроились за маленьким столиком у окна. — Значит, вы почти моя коллега. — Почти? — Я технолог, но подрабатываю преподаванием на вечернем факультете. Зарплаты сейчас, сами понимаете... — Понимаю, я репетитор, у меня шесть выпускников.

Не знаю, сколько времени мы проговорили. С девчонками у нас был договор, что если мы друг друга сразу не находим, значит, можно уезжать. Когда я сказала, что мне пора, Валерий предложил проводить меня до такси, я не возражала.

Валерий поехал со мной — по его словам, чтоб убедиться, что я добралась до подъезда без проблем. Когда я вытащила кошелек, остановил меня и расплатился сам. Я поблагодарила и поймала вопросительный взгляд. Усмехнувшись, качнула головой — нет, такие приключения не для меня. — Агата, может, проводить вас до квартиры? — Спасибо, у нас хорошо освещенный подъезд на кодовом замке. — Тогда я прослежу, чтоб вы до него спокойно дошли.

Он остался у машины. Поскальзываясь на плохо расчищенном тротуаре полусапожками на каблуках, я добежала до подъезда, открыла дверь, махнула Валерию и юркнула внутрь.

Праздник закончился.

Первого я проснулась к обеду, когда вернулись дети. Приготовили праздничный ужин, посидели по-семейному, а утром второго, проклиная оболтусов-двоечников, я влезала в теплые сапоги и дубленку.

Выйдя из подъезда, я наткнулась на Валерия. — Агата, вас подвезти до мединститута? Мне по дороге.

Опешив, я пробормотала: — По дороге куда? — М... Давайте считать, что по дороге?

Летом мы поженились.

И прожили пятнадцать счастливых лет, пока Валерий не сгорел от скоротечного рака.

Первая годовщина, вторая... пятая.

Я стояла под осенним дождем, сжимая черный зонт, и гладила мокрый гранит. В такую погоду на кладбище никого, и я не стеснясь плакала. И только когда слезы закончились, пошла по дорожке к выходу.

Я больше не вышла замуж, и мужчин у меня не было. Дети выросли, обзавелись своими детьми и приезжали ко мне на выходных. Совсем скоро на пенсию, но я, пожалуй, останусь преподавать. Рано мне еще сидеть без дела.

Ливень стал сильнее, я шла почти вслепую. На другой стороне улицы магазин, надо заскочить туда, дождь переждать, может, что-нибудь присмотреть. Едва я увидела сквозь пелену дождя зеленый, как шагнула на "зебру".

Последнее, что я услышала — визг тормозов и чей-то крик. И мир провалился в черноту.

Глава 1

Лежать было жестко и холодно. Я пошевелилась и открыла глаза. — О... Агата... Но как же так! Я была уверена, что такая чистая душа, как твоя, непременно вознесется к Небесным Родителям! — голос юной девушки был растерян. — Сестра, но ее душа вознеслась, мы все это видели. — Значит, Небесные Родители зачем-то вернули ее обратно. Сойди с алтаря, дитя, тебе уготован другой путь, — этот голос был строг и отличался от прочих.

Мне помогли спуститься. Я ничего не понимала. Вокруг стояли женщины в серых балахонах, чьи волосы были покрыты белыми покрывалами. На мне балахон был белый, и больше не было ничего. Меня отвели в сторону, и к алтарю подошла другая девушка в белом. Ей помогли улечься, отошли и расположились полукругом. Подняв руки, женщины запели. Алтарь засветился, будто был из стекла с тысячью светодиодов внутри. Едва сдержав крик, я увидела, как от тела девушки отделилась призрачная фигура и потянулась вверх. Песня достигла апогея и оборвалась. В тишине по телу девушки на алтаре пробежал огонь, и оно рассыпалось пеплом, который тут же разметал откуда-то появившийся ветер. — Белинда ушла в Храм Небесных Родителей! — провозгласила главная из сестер. — Ритуал закончен, сестры, на сегодня все. Мне нужно побеседовать с Агатой.

В полном недоумении я пошла за женщиной.

Где я? Кто я? То есть, я — Агата. Но откуда у меня длинные светлые волосы, и кто все эти люди?

Пока мы шли, я рассмотрела руки. Это руки молодой женщины! Провела пальцами по лицу — ни морщин, ни припухлостей, ни оплывшего овала. Что происходит, черт побери?

Женщина провела меня в комнату, которую можно было бы назвать кельей: каменные стены, узкое окно, но вместо кровати стол, несколько простых стульев и стеллажи с бумагами. Келья-кабинет. — Садись, — кивнула женщина на стул и сама расположилась за столом. — Ты не Агата. — Я Агата. — Как твоя фамилия? — Агата Лизбер, — ответила я честно, прежде чем дала себе труд подумать. — Ту, в чье тело ты вселилась, зовут Агата Лизток.

Я молчала. Меня убьют? О том, что я в другом мире, где есть магия, где странный религиозный культ отправляет странные ритуалы, я буду истерить позже. Сейчас мне очень хотелось бы остаться в живых... хотя бы на этот раз, если уж в прошлой жизни не получилось. Все ж шестьдесят лет в наше время маловато.

— Если бы это произошло в любом другом месте, — продолжала главная сестра, — я бы заподозрила в тебе потустороннюю тварь. Но в храм им хода нет. Значит, Небесные Родители зачем-то послали тебя вместо Агаты. Что с тобой произошло в прошлой жизни? Ты умерла? — Да, погибла. Меня задавила... повозка, — я вовремя заменила название привычным здесь. Кто знает, есть ли тут машины. По пути я не видела ничего, что можно было бы отнести к технике. Каминны явно использовались по назначению, а не для красоты живого огня.

Сестра кивнула. — Ты помнишь что-нибудь из жизни Агаты?

Я покачала головой. — Я помогу тебе. Раз Небесные Родители зачем-то тебя послали, это мой долг. Ты — баронесса Агата Лизток. Твои родители умерли от мора три года назад. Ты унаследовала небольшое баронство, которое до сих пор было под опекой твоего дальнего родственника, но тот им не занимался, поэтому хозяйство пришло в упадок. Последние шесть лет ты воспитывалась в пансионе при Обители. Этой весной тебе исполнилось восемнадцать, и твой родственник забрал тебя из пансиона и вывел в свет. По велению короля тебя выдают замуж за графа Торка.

При этом имени лицо сестры чуть дрогнуло. — Догадываюсь, что ничего хорошего вы про него не слышали. — Как тебе сказать. Графство у него богатое. Но про него ходит столько слухов, что поневоле задумаешься. Скажи, Агата, в твоём мире ты была замужем? — Я вдова. Мне было шестьдесят лет, у меня уже внуки подрастают.

Я едва удержалась от выступивших слез. Сестра взяла меня за руку: — Получается, ты даже старше меня. Если в том мире твой путь окончен, ты бы оставила их так или иначе. Я буду молиться, чтоб Небесные Родители дали тебе знать что-нибудь про твою семью.

Я пожала ее руку в ответ, и она продолжила: — Раз ты душой не невинная девица, я могу объяснить тебе прямо. Лорд Торк сластолюбец и большой любитель гульнуть. Его часто видят в компании непристойных женщин и куртизанок самого разного пошиба. Вино рекой, песни до утра... Уж не знаю, как там у него в графстве, о таких вещах не рассказывают, но в городе, как приедет, дочерей от него прячут.

Я кивнула. Знаю я этот сорт людей. — Но это не все, — вздохнула сестра. — Говорят, он жесток со своими людьми. Не одну семью он выселил с места. Кнутом отходить у нас многие могут, но говорят все больше про Торка. Если что ему не нравится, он принимает самые крутые меры. — Он настолько безжалостен? — Говорят, что да. А ты, то есть, Агата, бедняжка, еще в пансионе решила посвятить себя Небесным Родителям и уйти в Обитель, чтоб провести жизнь в целомудрии и благочестии, творя небоугодные дела. Мирские страсти ей были противны.

Вспоминая, как ей приходилось танцевать с мужчинами на балах, она рыдала так, что мне пришлось подать ей успокоительный отвар. — И вот такую девушку король решил отдать жестокому и сластолюбивому графу?

Сестра вздохнула. — Говорят, ее мать в юности отказала тогда еще молодому королю, а когда тот стал настаивать, вышла замуж за твоего отца. Баронство Лизток в те времена было сильным, и королю пришлось отступить. Ты, то есть, Агата, очень похожа на мать. А с графом Торком у короля давняя вражда. Граф слишком свободолюбив и слишком богат, чтоб король чувствовал себя спокойно. Не знаю, что произошло, но не так давно граф впал в совершенную немилость. Разоренное баронство Агаты потребует немалых вложений, и король рассчитывает, что граф потратит деньги на хозяйство супруги. Кроме того, король настаивает на магическом браке. На обычной свадьбе молодожены в храме пьют из одной чаши. В магическом браке они смешивают там кровь. И в этом случае магия накажет лорда за связи на стороне. — Смертью? — О, нет. Но болезнью и упадком сил, и магических, и телесных. Магический брак невозможно разорвать. — Понятно. Король решил убить одним выстрелом двух зайцев. — На недоуменный взгляд сестры я пояснила: — у нас так говорят, когда одним действием решаются сразу две проблемы. И отомстить семье Агаты, и обессилить Торка. — Да. По законам Агата должна пробыть младшей сестрой небес три года до посвящения в сестры неба, но младшая сестра еще не имеет защиты Обителя, и ее обязаны выдать королю по требованию. Поэтому Агата попросила провести обряд посвящения души Небесным Родителям. Я сама не смогла придумать другого выхода для девочки, поэтому согласилась. К счастью, ее, действительно, забрали. Но ты не Агата. Ты прожила жизнь там, у себя. Ты справишься. Наверно, для того тебя Небесные Родители и призвали. — Но что мне делать? Избежать этого брака? Или перевоспитывать лорда? Я не верю в перевоспитание. — А избежать брака тебе будет трудно. Я не знаю, что задумали Небесные Родители. Но я не единожды убеждалась, что если Небесные Родители вмешиваются в людские судьбы, они знают, что делают. Сегодня я дам тебе отдохнуть здесь, в этих стенах. Агата бежала скрытно, и какое-то время у тебя есть. Завтра отдам вещи Агаты, у нее с собой был узел с одеждой и немного монет. Пожалуй, прибавлю еще пять золотых. Иди в мир, леди Агата Лизток. Не знаю, какая судьба тебя ждет, но очевидно, твоя жизнь не в этих стенах.

Голова пухла от свалившейся информации, когда я выходила из кельи-кабинета, но я тут же вернулась. — У меня есть к вам последняя просьба. — Какая? — Мне нужна бумага, карта королевства, и чем ее можно срисовать.

Какой бы уставшей я ни была, но мне пришлось при свете свечи перерисовать карту хотя бы в общих чертах, указав на ней основные графства, "моё" баронство, главные города и тракты. Удивительно, но надписи я понимала так же хорошо, как и разговоры.

Графство Торк располагалось к западу от столицы. Баронство Лизток прилепилось к нему с северо-запада. Обитель, в которой душа Агаты ушла к местным богам, а мне выдали ее тело, была обозначена яркой точкой к югу от графства Торк. Судя по густоте названий, на юге королевства было довольно много городов и сел, а вот север пустовал. Интересно, почему?

Утром меня отвели в отдельную комнату, где стояла бочка с водой, лохань и ковшик. Горшок с мыльной субстанцией и кусок полотна завершал обстановку местной "ванной". Интересно, до отдельной комнаты они уже додумались, а водопровод еще не изобрели. Вода оказалась прохладной, но не настолько, чтоб завизжать от холода.

Сестра небес, которую я про себя назвала старшей, расценила платье Агаты как скромные, приличествующие не баронессе, а девушке из семьи горожан-обывателей среднего достатка. Белое нижнее платье из тонкого полотна до середины голени. Верхнее темно-коричневое платье из более плотной ткани: лиф с глухим воротом, застежка спереди на много маленьких круглых обтянутых тканью пуговиц, длинная объемная юбка до щиколоток, чуть просторные рукава до запястья. Надеюсь, Агата не пыталась всем своим видом кричать о скромности и целомудрии, и я не буду сильно выделяться на улицах.

Старшая сестра принесла мне маленький бархатный мешочек с печаткой, слишком большой для моего пальца. — Смотри, это твой герб, баронства Лизток, и баронская корона над ним. Печатка магическая, подделать невозможно, любой маг распознает. По этой печатке, если понадобится, представишься как баронесса Лизток. Проведи пальцем по гербу, — я провела, и герб загорелся. Сестра удовлетворенно кивнула. — Чтоб подтвердить документ, прижми ее к бумаге. Магический отпечаток печатка оставит только в твоей руке. Спрячь хорошо, сейчас ее показывать ни к чему.

Я натянула серые чулки тонкой вязки, которые держались на ремне, затянутом под коленом, обулась в удобные кожаные боты, уложила в объемный узел сменное верхнее платье, два нижних, ночную сорочку и мешочек с дамскими штучками: гребень, шпильки, катушка серых ниток с иглой. В руки мне дали легкий шерстяной плащ. На пояс повесили кошель с печаткой и деньгами и завернули его в складки платья, посоветовав по возможности не показывать. На голову водрузили белый чепец с отворотами, которыми можно было прикрыть лицо от солнца или отогнуть назад, чтоб не мешали, и в таком виде проводили к тракту, где стали ждать приличного для одинокой путешественницы обоза.

По словам старшей сестры, к северу от графства Торк начинаются горы, и селений там, действительно, мало. Есть ли у меня шанс затеряться на севере, скрываясь от королевской милости? Старшая сестра не была уверена, но если я готова пойти в услужение гувернанткой или компаньонкой, можно попробовать. Мой наряд вполне подходил для того, чтобы назваться не очень богатой, но воспитанной сиротой, которую семейные беды сорвали с места.

Кроме того, девушке аристократического статуса не положено путешествовать одной, только со старшими родственниками или с компаньонкой, и ездили они в собственных каретах или в крайнем случае, удобных повозках. Но горожанка могла попроситься в чужую повозку к семье с детьми. Отказывать одиноким женщинам было не принято.

Сестер неба здесь уважали — такой вывод я сделала, когда первый же обоз, которому старшая сестра махнула рукой, остановился, едва до нас доехал. В двух повозках были семьи с детьми, и я выбрала ту, откуда мне махали с настоящим энтузиазмом, а не подчиняясь традициям.

Молодой человек производил впечатление прямолинейного малого, а его жена, напротив, себе на уме, сверкала живыми глазами с хитринкой. Двое детей — мальчик лет десяти и девочка лет восьми — возились с немудрящими игрушками из дерева, соломы и тряпиц. Странно, женщина выглядела совсем молодой, откуда у нее десятилетний ребенок? Истинное положение дел выяснилось, когда парень мечтательно вздохнул: — Иэх... вот бы сейчас эля холодного. — Опять эля? вчера целую кружку выдул. Хватит, надо медяки поберечь. — Скрыга! — Пьяница! — Ох, Сальма, допрыгаешься, выдам замуж за какого-нибудь лоботряса.

Глянув на меня, они рассмеялись. — Этот оболтус Чарли — наш старший брат. Я вторая в семье. Как родители померли, так мы за младших в ответе, — объяснила девушка, и повернулась к брату, уперев руки в бока. — Ты сам женись сначала, да так, чтоб младших на ноги поднять. — Ну да, тебе-то куда замуж, кто ж тебя с таким характером возьмет, — широко улыбнулся Чарли и подмигнул мне.

Но Сальма не стала поддерживать перепалку, лишь махнула рукой и принялась устраиваться на узлах, чтоб прикорнуть. Ехать нам предстояло еще долго.

Я представилась как Агнес — так старшая сестра назвала одну из своих подчиненных. Чарли заскучал, и я показала, что не против развлечь его разговором. Простодушный парень охотно отвечал на мои вопросы, пополняя знания об этом мире.

По его словам, ближе к вечеру мы должны были оказаться в графстве Торк и следующие два дня пересекать его с юга на север. Когда мы со старшей сестрой неба обсуждали дорогу, я хотела обогнуть графство, но та отсоветовала — огибать придется через столицу или же забирать совсем к востоку и делать дорогу слишком долгой. Если в графстве Торк меня знал только сам Торк и еще несколько аристократов, то в столице Агату могли опознать многие. Я согласилась рискнуть. Объезжать по "своему" баронству и вовсе было опасно, там меня сразу задержат и препроводят к родственнику, который будет рад сбыть меня с рук. Агату уже должны были искать, и вряд ли они догадаются, что я сунулась в земли того, от кого убегаю.

Ночевать собирались на окраине небольшого городишки, куда подъехали в сумерках. Я сама не заметила, как Сальма уговорила меня поделить плату за комнату пополам, чтоб поселиться вместе с ней и ее младшей сестрой, которую она обещала взять к себе в кровать. Чарли с другим братом сняли вторую комнату.

Пока шумное семейство бегало туда-сюда с тюками, я развернула свой узел и задумалась, как хранить деньги. Я слишком хорошо помнила выражение "срезать кошелек", чтобы беспечно держать на поясе семь золотых, пять серебряных и горсть меди. Жаль, что здесь еще не придумали нижнее белье. На севере, как только устроюсь, сошью себе привычные вещи. Может, и местных дам приучу. А пока я оторвала кусочек от полотна, куда были завязаны вещи, достала из вещей Агаты нитку с иголкой и пришила пять золотых к обратной стороне нижнего платья чуть ниже пояса, и печатку туда же. Так будет сохраннее.

Надо привыкать, что это мои вещи, мое платье и мое тело. Только баронство не мое. Пусть делают с ним, что хотят.

Едва я успела закончить с тайным кошельком, как в комнату влетела Сальма: — Агнес, ты есть будешь? Идем, возьмем по плошке, пока еще котел горячий. — Да разве ж это еда, — Чарли вышел в коридор и скривил потешную рожицу. — Что ж тебе тут не сидится? Небось, в таверну на главной улице захотел? — Так ясно же, что по окраинам готовят так себе, проезжие сегодня тут, завтра там. Настоящая еда там, куда местные ходят. Сельма, ну что тебе стоит, ты же все равно при детях останешься. Я вот с собой Агату возьму, она мне напиток не даст! — и хитро мне подмигнул.

Мне не очень хотелось пускаться на поиски приключений, но когда мы спустились вниз, из тарелок на столах пахло таким мерзким варевом, что едва стоило Чарли завести разговор про таверны подальше от окраин, как я

изъявила горячее желание познакомиться с ними поближе. Сельма усадила младших за стол и только махнула.

Довольный парень схватил меня за руку и выбежал в темноту. На улице и дышалось легче, вот только фонарей в этом мире еще не было. — Чарли, я ничего не вижу. Ты знаешь, куда идти? — Так вон же огни. Хватайся за меня, если что, я удержу, не бойсь.

Станным делом, оторвавшись от сестры он приобрел некоторую ответственность. Он заботливо поддерживал меня под локоток, когда я попадала ногой в рытвины, а через одну глубокую яму перемахнул со мной на руках, я даже не успела возмутиться.

Дома стали выше, окна горели ярче, нам стали попадаться навстречу прохожие. Когда одна парочка не очень трезвых местных жителей направилась в нашу сторону, Чарли прижал меня к своему боку, рявкнул "Госпожа со мной", и парочка отстала.

Мы вышли на перекресток, где хлопали двери, из открытых окон слышались разговоры, а в свете луны можно было рассмотреть по меньшей мере три вывески, вокруг которых кипела жизнь. Правда, что именно там изображено, мы не видели.

Чарли застыл и задумался. Я присматривалась к заведениям. Из одной вышвырнули некое тело, которое нечленораздельно завопило и вернулось назад. Нет, туда мы не пойдем, о чем я и сообщила своему спутнику. Выбрать из двух оставшихся было нелегко — и там, и там смеялись и орали. Я уже пожалела, что отказалась от угощения на постоялом дворе, но тут из одной таверны грянула музыка, и Чарли потащил меня внутрь.

Я окинула взглядом забитое людьми помещение. Среди мужчин попадались и женщины, причем одетые в платья, похожие на мое. Не все, не все — те, кто вились вокруг музыкантов, носили куда как более откровенные наряды. На них были открытые сорочки с глубоким декольте, а плотный лиф приподнимал грудь, демонстрируя богатство наполнения. Рукава сорочек были закатаны до локтей — как я успела рассмотреть из повозки, такое приличествовало только во время работы в поле или в лавке. Эти девицы, пожалуй что, и были на работе.

Девиц было четверо, музыкантов — трое. Одна прильнула к тощему флейтисту, вторая пританцовывала рядом с широкоплечим блондином, который усердно лупил в тамбурин, а две сели по сторонам терзавшего колесную лиру лохматого весельчака с острой бородкой. Все семеро уже изрядно набрались.

Черли махнул разносчице и что-то ей сказал — из-за шума я не расслышала, что. Он кивнул мне, мол, все в порядке. Все, и правда, было неплохо. Публика хоть и по большей части нетрезвая, но к нам никто не лез, а наличие женщин в закрытых платьях показывало, что и мое присутствие тут не сочтут верхом неприличия. Неприличие в этом обществе для женщины могло дорого обойтись.

Вскоре нам принесли по кружке какого-то питья, по плошке вкусно пахнущего рагу и третью, завернутую в тряпицу — с собой. В кружках оказался слабый сидр. Вторым глотком я едва не подавилась — лохматый весельчак запел. О, что это была за песня! И какое исполнение! Не знаю, изобрели ли здесь нотную грамоту, но певец напрочь игнорировал тональность, а попасть в ритм для него оказалось непосильной задачей, поэтому блондин с тамбурином и флейтист волей-неволей подстраивались к нему.

Но публику это не заботило. Песня оказалась на грани скабрёзности, и после каждого прозрачного намека зал взрывался хохотом. Я скосила глаза — Чарли от души веселился. Фыркнув, я принялась за рагу.

К счастью, песня закончилась раньше, чем еда, и когда схлынул шум хлопков по ладоням, столам и ляжкам я смогла спокойно доест. Троица закончила играть и петь (но не пить) и принялась уделять внимание своим дамам. Певец усадил на колени сразу двух, возложив голову с разлетевшимися кудрями на бюст одной и прихватывая другую за выпуклости, от чего та притворно взвизгивала. Флейтист подхватил свою под бедра, к восторгу зала поцеловал и утащил наверх. Блондина с тамбурином его дама поила из двух кружек попеременно, и было понятно, что покидать скамью ему не рекомендуется. Певец что-то прокричал, что было воспринято залом с ревом восторга, и разносчицы бросились обносить публику кружками. Похоже, весельчак решил пропить весь гонорар от выступления. Я от второй кружки отказалась, а Чарли с благодарностью взял. Помня наказ его сестры я встревожилась, но похоже, мой спутник оказался крепким. В любом случае, третьей ему не надо, нам еще назад идти по темным улочкам.

Когда закончилось рагу, я кивнула головой в сторону выхода, мы бросили на стол монеты и вышли наружу. — Ну как, я был прав? — задорно спросил парень. — Прав, прав, только давай сначала доберемся назад, не угодив в неприятности. — Надеюсь, ничего страшнее этого пения сегодня уже не будет, — хмыкнул Чарли. — Это ж надо, такую песню испортить. Хочешь, я ее по-настоящему спою? — Может, лучше что-нибудь другое? Признаться, я не привыкла к таким намекам. — Ты, наверно, образованная, при обители училась? — Училась, — кивнула я.

От сестер неба я знала, что аристократы и богатые горожане отдавали девочек на воспитание в обитель кто на год, а кто и на десять лет. Туда же попадали сироты, если наследство позволяло сделать солидный взнос.

— Гимны не обещаю, — хмыкнул парень, — но подберу что-нибудь попростойнее.

И Чарли запел балладу о бедном менестреле и дочери лорда, которые, разумеется, полюбили друг друга, но не могли быть вместе. У парня оказался приятный тенор, и последние строфы о том, что менестрель уходит искать

свою смерть в полный чудовищ лес, он пропел с таким чувством, что рядом с нами кто-то зашмыгал носом. — Да ну вас... — сказала басовито темнота. — И как вас теперь... Потопали дальше, Том. А эти... пусть их... — и шмыгнули в два голоса снова.

От нас удалялись два высоких силуэта, и в руке одного из них блеснуло лезвие. Мы с Чарли посмотрели друг на друга и дальше пошли очень быстрым шагом, почти бегом.

Сальма хотела, было, поворчать, но увидев плошку с едой на всех троих, подобрела.

Девушка с сестрой уже уснули на соседней кровати, а я села на соломенном матрасе и смотрела в звездное небо в окне. Давно не видела такой звездной россыпи — городская засветка лишает небо всякой романтики. Вот только рисунок незнакомый. Я тихо слезла с кровати и выглянула в окно, а потом и вовсе накинула на ночную сорочку плащ и вышла во двор. Отойдя подальше от здания таверны я завертела головой. Да, ни одного знакомого созвездия. Ни тебе Большой Медведицы, ни Южного Креста. С одной стороны видна половинка луны с совершенно чуждым рисунком, а с другой поднималась полная луна поменьше. Ой. До меня дошло, что я и правда в другом мире. По-настоящему. Насовсем. Я отошла к приземистому дереву, прислонилась к стволу и тихо заплакала.

Я не спала полночи, поэтому на следующее утро клевала носом под пологом повозки, и брат с сестрой устроили меня на тюках поспать.

В этот вечер я отказалась идти куда-то далеко от постоянного двора, но служанка шепнула, что на соседней улице есть неплохая едальня, и мы с Чарли пошли туда. Сальма пожала плечами — на ее вкус и на постоялом дворе неплохо кормили.

В таверне нам пришлось подсесть за стол к двум чисто одетым местным ремесленникам средних лет. Меня они называли дочкой, и я уверилась, что опасности от них ждать не стоит. Зато почесать языками они были горазды. За следующие четверть часа я узнала, сколько и кого народилось в округе, кто с кем сошелся, кто кому набил морду, чья жена гуляла, чья дочь пошла в храм брюхатая, а когда мне удалось вставить слово про лорда, сведения потекли рекой. Стоит лорду куда приехать, как дочерей и молодых жен сажают под замок от греха подальше. Бургомистры трех крупных городов графства Торк, хоть и не подчиняются лорду напрямую, но стараются ему не перечить. Этот городок небольшой, и Торк сюда наезжает лично проверять, как идут дела, наводя ужас на всю округу. В прошлом году Торк выселил с земли троюродного брата одного из ремесленников, чему он сильно возмутился. — Если б брат твой лучше за землей смотрел, жил бы и жил дальше, — отозвались от соседнего стола. — А то ишь, что бурьяном поросло, что распаханно как попало. — Хорошо он следил! — вскинулся обиженный родственник. — Ага, рассказывай. Джош-свистун с той же земли на две дюжины мешков больше собрал. — Дык у Джоша два сына, а у брата моего три дочери! — не уступал мой сосед. — Так дочерям надо было делом заниматься, а не гулять по селению и обновы выпрашивать. Месяца не пройдет, все хвастаются, то новыми лентами, то юбку справили, а работать кто будет? — мужичок с обильной проплешиной в редких волосах обернулся ко мне. — Этот трудяга послал младшую дочь вечером к лорду, мол, поговорить, задобрить, — мужичок хохотнул. — Только вернулась она несолоно хлебавши. Видать, нет у нее нужной лорду таланты. — Да ты! Да я тебя! — мой сосед полез через скамью с явно недружелюбными намерениями. — Тиха мне тут! — рявкнул трактирщик. — Мигом обоих выкину и не пущу больше. И чтоб про лорда языками болтать перестали, мне через вас со стражей разбираться неохота.

Мужичок усмехнулся, мой сосед, ворча, вернулся на место и принялся за еду. Я шепотом спросила: — А что лорд, и правда такой по девкам ходок?

Тот стрельнул глазами в трактирщика, который наливал кому-то эль. — Говорят, у него в каждом городе по полюбовнице из благородных, а то и две. А в столице ледей растаскивали, когда они волосья друг другу выдирали, кому лорд достанется. — Зачем же ему селянские девки, если у него леди есть? — А кто его, блудника, знает. Но неправда это, не было с Миркой ничего. — Ага, — прошептал мужичок, обернувшись, — я ж и говорю, что не было, погнал ее лорд.

Мой сосед принялся оборачиваться, но мужичок уже сделал вид, что ничего не говорил.

По пути назад Чарли спросил: — Что это тебя лорд Торк так заинтересовал? — Я думала, может, мне и не ехать на север, тут осесть, но вижу, что, пожалуй, не стоит. — А... Вот и я смотрю, крутой нор у этого лорда. Мне б куда-нибудь, где послабже. — Думаешь, на севере легче будет? Там холодно, работать много придется, да еще в горах. — Да уж как-нибудь. — Ты что вообще умеешь? — Я с отцом подмастерьем ходил, он ткачам станки мастерил, чинил и налаживал. — А сам можешь станок сделать? — Не знаю, — вздохнул тот. — Не пробовал пока.

Да, тяжело им с Сальмой придется. А ведь хороший парень, добрый, симпатичный.

Когда мы вернулись на постоялый двор, выяснилась неприятная вещь: наш обоз завтра поворачивает на восток. Придется ждать следующего, к которому пристать. Говорили, что они тут часто ходят, но как же мне не хотелось задерживаться в графстве своего "жениха".

* * *

С утра Сальма погнала Чарли на заработки. Сама она собиралась подзаработать монет стиркой. Я вызвалась помочь ей, но она на меня шикнула: — Если ты в компаньонки собираешься, тебе руки беречь надо. Кто же компаньонку с рабочими руками возьмет? Решат, что только от прополки оторвалась и вовсе нигде не училась. Нет, тебе только чистая работа нужна.

Я решила составить компанию Чарли, поднять ему боевой дух и присмотреться к устройству городов в этом мире получше.

Мы прошли до квартала ремесленников. Чарли стусевался, и мне пришлось взять дело в свои руки. Вскоре я уже узнала, где работают ткачи, и хоть они и отнекивались, что им ничего не надобно, я все-таки затащила нашего наладчика внутрь. Он тут же кинулся к какой-то рухляди в углу. — У вас станок самого Гринфинга простаивает? — Да кто ж его знает, самого или не самого, а только поломался год назад, все собираемся на растопку пустить, но жалко, рейки вон какие полированные. Может, мебель какую сделать. — Делать мебель из

Гринфинга!

Быль бы Чарли постарше, я б опасалась, что его хватит удар. Он вытащил установку на свет и принялся с ней возиться. — Ну гляди парень, коль время не жалко, попробуй. Но если работать не будет, ни медяка не дам. — Угу, — промычал Чарли откуда-то из-под скопища деревяшек.

Здесь моя помощь не требовалась, и я пошла по комнате, где мужчины и женщины сидели внутри конструкций из деревянных рам с натянутыми на них нитями, и только стук раздавался, когда вплетали очередной ряд. На стеллажах у стен лежали мотки пряжи. Я рассматривала цвета, пытаясь на глаз определить, чем их красили. Как далеко здесь зашла химия? У мастера, который обратил внимание на мое любопытство, я выяснила, что красильщики сидят через два дома отсюда, предупредила Чарли и пошла удовлетворять свой интерес.

Красильщикам я представилась как возможная заказчица. Хочу, мол, узнать, какие цвета и из чего они делают. Какие цвета, мне тут же показали, а вот из чего... здесь мастера встали насмерть. Но отчетливый растительный запах показал, что я была права — искусственных красителей здесь еще не придумали.

Я заглянула к ткачам, полюбовалась на торчащий из-под реек зад Чарли, подумала, что парень недурно сложен, обругала невовремя проснувшиеся гормоны восемнадцатилетнего тела и решила пройтись по улице Жестянщиков дальше, посмотреть, насколько они здесь далеки от индустриальной революции.

Ювелиры показали мне тяжелые украшения из латуни и стекла. Я уже, было, удивилась существованию бижутерии, как мне разъяснили, что это образцы, а для заказчиков они, конечно же, делают из золота, серебра, платины и драгоценных камней. Краснодеревщики похвастались новым изобретением: складной стойкой, на которую ставился поднос, превращая ее в переносной столик. Я приличия ради поохала. К кожевникам и пряхам я заходить не стала, но в конце улицы я увидела странную вывеску — кованое солнце с двумя лунами и змеей. Ноги сами понесли меня к двери.

На стук открыл мальчик лет десяти. Я заглянула в полумрак поверх его головы и обомлела. Реторты! Тигель! Колбы! Ступки! Банки с разноцветными порошками и наполнением разнообразных форм. Несколько смутила сушеная черепаха, висевшая под потолком. Осталось выяснить, как называется здесь такой специалист. — Простите, это мастерская... м... — Мэтра алхимии господина Филиппа Кининга, — важным голосом сообщил мальчик. — Благодарю вас, господин, — тем же тоном ответила я, глядя на него сверху вниз, и мальчишка раздулся от гордости. — Могу я поговорить с мэтром? — Нету его, ушел в таверну, я приглядываю, — сообщил ученик. — Может быть, вы сможете ответить мне на несколько вопросов?

К рабочему столу меня, конечно же, не пустили, но за четверть часа я узнала достаточно, чтобы составить представление о химической науке там, где я очутилась. Еще раз оглядев завистливым взглядом лабораторию, я попрощалась — ждать мэтра, который еще неизвестно, как отреагирует на мою любознательность, я не стала.

К моему возвращению в ткаческую мастерскую станок неведомого Гринфинга уже отстукивал пробную узкую полоску ткани, а Чарли принимал благодарности на словах и в металле. Его звали прийти и посмотреть на еще два станка с утра пораньше, пока еще работа не началась.

Едва выйдя за порог, молодой нахал подхватил меня и закружил под мои крики "поставь на место немедленно". — Агнес, ты не понимаешь! Я первый раз работал сам! И у меня получилось! Если бы не ты, я бы и не решился!

Вернув меня на землю он увлек меня в пекарню, которая призывно помахивала кованым кренделем через два квартала. Из полученных пяти серебряных он потратил медяк за пару маленьких булочек. В хорошем настроении мы дошли до конца улицы и двинулись дальше, к площади у ратуши, где собралась небольшая толпа. — Что там?

За спинами собравшихся кто-то что-то выкрикивал, но я не могла разобрать слов. Мы подошли ближе и выбрали место, где можно было рассмотреть действие.

Внутри круга стоял столб, к которому был привязан растерянный парень без рубашки, сжимавший зубами деревяшку. — А посему Его Сиятельство Арден Торк приговаривает указанного преступника к сечению плетьюми, двадцать ударов за раз! — закончил читать указ высокий господин и кивнул тому, кто держал кнут.

Странно, я думала, палачи должны одеваться проще. Этот был в темно-синем камзоле с вышивкой, из-под отворотов белел ворот рубахи. На лице палача красовалась подстриженная клинышком борода и усы ей под стать. Мне показалось, что я этого типа уже где-то видела.

Мрачный палач лениво поигрывая кнутом обвел взглядом толпу, размахнулся и стеганул свою жертву. Парень замычал и зажмурился. Не в силах смотреть на истязательства, я попятилась, вывалилась из толпы и побежала прочь.

Я успела проскочить три квартала, когда меня нагнал Чарли. — Агнес, стой, да погоди ты!

Я остановилась, он участливо заглянул мне в лицо. — Ты, наверно, не привыкла к такому, а в маленьких городках это случается. — За что его? — Не знаю, — пожал плечами тот. — Наверно, что-то нарушил. Лорду виднее. — Лорд! Небось, отдал указ и забыл! И все равно, если парень калекой останется! — Так он же был там, лорд Торк. Ты разве не видела? — Где? — я остановилась от удивления.

Граф там? Ох. Мне нужно убираться отсюда как можно быстрее. Лорд знает Агату в лицо. То есть, меня. — Там, — объяснял Чарли, — он же и наказывал. Тот, кто с кнутом. Слушай, Агнес, а ведь мы его уже видели!

Против воли я ускорила шаг. Доберемся до постоянного двора, и носа не высуну из комнаты до отправки. — Куда ты так бежишь? Пойдем хоть посидим в таверне, и время обеденное. — А сестру сменить с детьми ты не хочешь? — Так давай им есть принесем, тут все одно получше, чем на постоялом дворе.

Умеет он уговаривать. Вскоре мы сидели в таверне и заказывали две порции нам и большую плошку на вынос. Посудину Чарли обещался вернуть, оставив пять медяков в залог. — Расскажи, где мы видели лорда? — Вроде бы, позавчерашним вечером в таверне он пел и играл на этой штуке с колесом. Помнишь, мы еще смеялись, что страшнее этого пения ничего нет. — О, — я вызвала в памяти лицо "весельчака", мысленно нарядила его в камзол и охнула. — Это и правда он. Ты уверен, что это граф Торк? — Да, в толпе так сказали, что если он кого указывает наказать, когда объезжает владения, то и порет сам.

Я едва не обозвала лорда вслух садистом, но вовремя сообразила, что маркиза де Сада и связанного с ним лексикона здесь не было. — Он... жесток. — Ну... он граф, — пожал плечами Чарли. — Но пожалуй, хорошо, что мы решили перебраться на север. Там, говорят, народ добрее.

Я мало видела проявлений магии, но то, что произошло в Обители произвело на меня впечатление. Если Небесные Родители, действительно, существуют, то может быть, можно к ним обратиться? Вдруг они помогут мне побыстрее убраться из графства, где правит развращенный пьяница и садист. Может быть, зайти к алхимику и спросить про яд? Если я попаду графу в руки, лучше покинуть и этот мир.

Если избив несчастного граф зайдет в эту таверну, я готова выскочить в окно... нет, лучше сбежать через кухню.

Но местные боги смилостивились надо мной, мы спокойно доели, я взяла еду и отправилась на постоянный двор, а воодушевленный первым опытом Чарли — поискать еще приработок.

Сальма встретила меня радостной вестью: пришел обоз, который уходит на север. Отправляются они завтра в полдень — у головы обоза здесь еще какие-то дела. И хорошо, Чарли успеет еще подзаработать монет у ткачей. И плохо — мне бы уехать поскорее. Но уж как есть.

Остаток дня я посвятила стирке своих вещей, как Сальма ни старалась меня отговорить и отобрать чулки и рубаху. Не страшно, от одного раза ничего не будет моим рукам, а обзаводиться слугами я не планирую. Чай, не графиня... ой. Присказки с Земли тут звучат иначе.

Сальма разбудила меня утром, когда довольный Чарли уже вернулся, получив еще три серебряных у ткачей за наладку, и обоз медленно наполнялся людьми и повозками. Когда отъехали от постоянного двора, я забила внутрь, чтоб даже в откинутый угол полога не раскрыл меня, вздумай граф проезжать мимо.

Селение, где мы остановились под вечер, находилось все еще на графских землях, поэтому несмотря на все попытки Чарли вытащить меня с постоянного двора я осталась в комнате, а на ужин спустилась с опаской, оглядев зал. Но никого подозрительного не обнаружила, вокруг были такие же путешественники, как мы с Чарли и Сельмой.

К нам за стол подседа пожилая пара. Неугомонный Чарли в ожидании наших плошек завел разговор, мол, откуда и куда, зачем и почему. — Далеко едем, — вздохнул наш сосед. — В городке у границ у меня домишко остался. Придется жильцов выселять. А что делать, самим-то жить надо. Писарем устроюсь или управляющим. Как раньше уже не будет.

Его жена достала платок и промокнула глаза. — Ну ладно, ладно, — глянул на нее мой попутчик. — Проживем. Чтоб этому Торку наши слезы отлились. — Простите, господин... — Экуат. — Господин Экуат, этот лорд Торк, что он вам сделал? — не сдержала я любопытства.

Глаза со злостью сверкнули из-под кустистых бровей: — Он отнял у меня все. Всё! Двадцать лет я строил квартал за кварталом, а он за два года все разрушил! — Как — разрушил? Снес дома? — Нет, — поджал он губы. — Отнял и устроил там такое, что не приведи Великий Отец.

Госпожа Экуат горестно качала головой, и я не решилась на дальнейшие расспросы.

Может, вернуться к Графу да и травануть его в первую брачную ночь? Похоже, множество людей сказали бы мне спасибо. Интересно, как здесь обстоят дела с опознанием ядов? В конце концов, химик я или кто. Надо разузнать. У них есть магия, и я еще не совсем разобралась, какая и как проявляется.

Нет, пожалуй, такой смелой я не буду, но на случай, если меня поймают, яд мог бы стать неплохим шансом.

Младшая сестра Сальмы принялась капризничать, и я задержалась за столом, чтоб помочь успокоить и накормить уставшую от дороги девочку. Экуаты поблагодарили нас за хорошую компанию и поднялись к себе в комнату.

Бедно одетая селянка за соседним столом что-то проворчала и плюнула вслед Экуатам. Похоже, что господин Экуат, действительно, когда-то был успешным и оборотистым дельцом. Чужой успех раздражает тех, кто сам ни на что не способен.

А граф, судя по всему, еще и замшелый феодал, который на своих землях царь и бог, и ненавидит городское устройство. Помню из Земной истории, что конфликт между независимыми городами и старорежимной сельской аристократией длился веками. Ох и попала я. Однозначно, нужно устраиваться где-нибудь в просвещенном городе.

Наконец, на следующий день мы пересекли границу графства. Было уже довольно поздно, когда мы остановились на постоялом дворе. Я упала спать, едва похлебав какого-то странного варева. О том, чтоб куда-то идти, Чарли и не заикался.

Утром выяснилось, что мы приехали в Брок — довольно большой город, и обоз задержится здесь на день. Чарли позвал меня осмотреться, а на деле, думаю, для поддержки в квартале ремесленников. Идти туда оказалось далеко — город был больше всех, виденных мной в этом мире. Чувствуя за собой мою молчаливую поддержку Чарли довольно бойко принялся разговаривать в первой же ткацкой мастерской, и я решила, что могу оставить его одного.

Я пошла к центру города, решив присмотреться, кто из горожан одет, как я, и в каком они статусе. Через час ходьбы, когда ноги уже гудели, я сидела на скамье у ратуши и приводила мысли в порядок. Женщин, одетых скромно и добротнo, в городе было достаточно. Они сновали тут и там даже в центре, где стеной стояли высокие особняки явно не последних людей города. Я улыбнулась: фахверки изобрели и в этом мире. Я будто в сказку попала. Но в этой сказке стоило как-то обживаться.

Присмотревшись, я поняла, что скромно одетые женщины вовсе не хозяйки этих домов. Те щеголяли в платьях более ярких цветов, пышнее, с вырезом по крайней мере на ладонь от шеи и украшенных тесьмой или вышивкой. Служанки носили передники, их платья зачастую не имели рукавов, а рукава нижних рубаш были закатаны — видимо, работать руками так удобнее. Женщины, одетые в наряды вроде Агатино, сопровождали раздетых дам, прогуливались с детьми или шли куда-то через площадь неспешной походкой в отличие от служанок, которые передвигались быстрым шагом. Значит, я попадаю в местный "средний класс". Это хорошие новости.

А плохие в том, таких больших городов, скорее всего, немного. Будет ли еще один к северу отсюда? Будут ли места компаньонкам или гувернанткам в городках поменьше? О том, как мне устроиться без рекомендаций, я и думать боялась. В маленьких городках все друг друга знают.

Пошевелив в воздухе зудящими ногами я пошла назад. Хорошо быть молодой, восемнадцатилетнее тело еще не такое выдержит. По дороге я заглянула в пекарню и купила кулек сдобы для Сальмы и детей. К вечеру, когда вернулся Чарли, там осталась одна булочка — мы все-таки сберегли для него последнюю.

Сальма уложила детей в одной комнате и позвала меня на совет в другую.

За этот день Чарли выяснил, что дальше на север города будут мельче, и ремесел там поменьше. Здесь же тех, кто возится с ткацкими станками, пока не хватает. Сальма слушала его и кивала, и я уже знала, что они решат.

Что же делать мне? С одной стороны, в этом городе я лучше устроюсь, чем в северных небольших поселениях. Если не получится компаньонкой, займусь ремеслом, все-таки в прошлой жизни я и вязала, и немного шила, вспомню, как кроить. А потом подкоплю денег на алхимический набор и начну эксперименты. И иметь рядом знакомую семью все же лучше, чем никого. Но с другой, графство Торк рядом. Но здесь другие земли, что графу тут делать? Пить и гулять, ответила я сама себе. Но я не буду ходить по тавернам, и на балы аристократов меня не пригласят, где бы еще ему со мной столкнуться?

И когда Сальма завела разговор о том, чтобы попытаться счастья в Брое, я выразила лишь одно сомнение: — Боюсь, народ здесь богатый, а без рекомендаций мне к ним не сунуться.

Сальма задумалась ненадолго и блеснув хитрыми глазами пообещала: — Уж эту беду мы как-нибудь разрешим.

Назавтра мы с Чарли пошли на поиски жилья. Я сама не поняла, как получилось, что мы идем вместе с Чарли. Надо признать, что Сальма, несмотря на то, что на самом-то деле в три раза моложе меня, довольно ловкая особа. Но она права — мне нет резона снимать комнату отдельно от них, если я все равно съеду, когда найду себе место. И компаньонки, и гувернантки живут при хозяевах. Я поживу в одной комнате с Сальмой, облегчу им плату, пока Чарли не найдет клиентов. Все правильно, но меня не оставляло ощущение, что меня окрутили.

Через два дня блужданий и разговоров мы сняли две комнаты с отдельным входом у плотника. Он пообещал раз в день пускать нас в свою кухню, только со своими дровами. Сальма не медля разговорилась с соседями, выясняя, не нужно ли кому постирать или починить одежду, и вскоре у нее появились первые желающие. Чарли с утра до ночи пропадал в ремесленном квартале и возвращался то с одним серебряным, а то и с дюжиной — больше золотого. Дети были приучены не мешать взрослым, но я все-таки пыталась их занять, играми приучая к счету.

Сколько я ни спрашивала Сальму, что же она придумала про рекомендацию, он отвечала, что еще не время. Через неделю такого ожидания, когда мои запасы уменьшились на золотой, я заподозрила неладное. А когда Чарли объявил, что сегодня ярмарочный день и позвал меня прогуляться, подозрения перешли в уверенность.

Я, конечно, их понимала. Чарли быстро обзаводился клиентурой — видимо, отец его и правда хорошо выучил, и ему не доставало уверенности в себе, которую он получил по дороге, починив станок самого известного мастера королевства. Его дохода вполне хватало бы на скромную жизнь вчетвером. Я ему определенно нравилась. Наш брак с Чарли развязал бы руки Сальме, которая с легкой душой оставила бы на нас детей и искала бы себе мужа без "приданого" в виде двух пострелов. Я ни секунды не сомневалась, что младших она любит и не бросит, но все-таки есть разница — привести в дом мужа сразу двоих детей, или забегать да хоть каждый день, но все же в другой дом.

Нравился ли он мне? Девичьи гормоны определяли его как вполне годного парня. Но то гормоны. Мне на самом деле не восемнадцать лет. Еще в прошлой жизни я освоила сложную науку: слушать мозг, тело и сердце по отдельности. Мозг может подсчитать, стоит ли ждать от этого мужчины проблем. Тело определяет мужскую привлекательность кандидата. А сердце видит, захочется ли быть с ним рядом, просто рядом.

Осложнений я от Чарли не видела. Он мог стоять на своих ногах, но с такой сестрой был приучен слушать женщин — нечастое явление для этого мира. Тело... он симпатичен, хорош собой и похоже, что вполне обучаем. Но сердце молчало. Я пошла с ним погулять, чтоб не обижать Сальму, которая верховодила в нашей маленькой команде. Я бы ничуть не обиделась, если бы он пригласил на ярмарку дочь красильщиков из дома через улицу, которая на него очевидно заглядывалась.

Конечно, брак с ним избавил бы меня от притязаний пьяницы-развратника-садиста. Но я чувствовала, что приняв ухаживания Чарли, которые вскоре приведут к предложению, я будто закрою книжку после первой главы, додумав банальный и пресный конец. Кто знает, какие приключения ждут меня на следующей странице? Может быть, конечно, книжка окажется сказкой с очень страшным концом. Но я знала одно — если я не загляну дальше, я буду жалеть всю оставшуюся жизнь. В первой жизни я ни о чем не жалела, так стоит ли делать ошибку во второй?

Чарли привел меня на маленький рынок, где мы с Сельмой закупали провизию, но сегодня он разросся на всю площадь и окрестные улицы. Выступали жонглеры и канатоходцы, а среди рядов сновали разносчики сладостей и сдобы. Чарли начал отрабатывать программу выгула девушки, которая, похоже, одинакова во всех мирах.

Когда мы возвращались, Чарли ненавязчиво предложил взять его под руку. У меня снова не хватило духу отказаться и обидеть хорошего человека. Ох, Агата, ты так замуж выйдешь, чтоб человека не обижать.

Нужно срочно искать возможность работы. Если ничего не придумается за два дня, пойду по ремесленному кварталу. Хорошие они ребята — Сальма и Чарли, но мне нужна своя жизнь.

Не то, чтобы я не верила Сальме, но мало ли, где сболтнет, поэтому я так и оставалась сиротой-горожанкой Агнес. Второй кошель, пошитый из кусочка полотна, мне удавалось прятать. Сальма явно подозревала, что у меня есть свои тайны, поэтому однажды не спросив забрала мою одежду в стирку, пока я спала. Но я не оставляла

кошель ни на минуту, пряча его ночью под матрас. Чтоб не выдавать подвешенного под нижнем платьем сверточка, я и мыться с предпочитала одна, хоть Сальма и настойчиво предлагала сходить в омовейную комнату вместе, так, мол, поливать друг дружку сподручнее. Но нет, девушка была уж слишком любопытна.

В этом мире уже додумались хранить ночной горшок и воду для мытья в отдельной комнатухе, где стояла бочка с водой, ведро, лохань и ковшик. Из бочки набирали ведро воды, туда же приносили кружку кипятка, и этой прохладной водой поливали себя из ковшика, стоя в лохани. Грязную воду выливали в отверстие в углу омовейной, а горшок выносили в гребную яму, которые были выкопаны во множестве по городу и плотно закрывались деревянными крышками. Интересно, кто был тот гений, кто объяснил людям, что не следует выплескивать нечистоты на улицу? Может быть, такой же попаданец, как я?

Разобралась я за эти дни и с магией. Магов мало, и простой человек может всю жизнь прожить, но ни одного мага не увидеть. Маги умеют лечить, маги умеют делать всякие магические штуки вроде нагревания бочки, чтоб не надо было кипяток таскать. Мой перстень-печатка магический, если провести пальцем по печати, она загорается — перстень признает во мне кровь Лизтоков.

Изредка аристократы заключали магические браки, и тогда на руке появляется рисунок в цвете рода, у каждой пары свой, один на двоих. Говорили, что аристократам, бывает, служат маги, которые умеют огнем кидаться, но доподлинно этого никто не видел.

Я слышала голос Сальмы внизу и пока ее нет, достала тайный кошель. Остались только эти пять золотых. На жильё и еду уходит около шести серебряных в неделю. Еще немного монет я потратила на простенькое платье, чтоб не трепать "приличные" в кухонных работах, передник, еще одно нижнее платье, сумку из крашеного холста и несколько женских мелочей: новый гребень, зеркальце, шпильки и прочую дребедень. С первых дней я страдала, что нечем чистить зубы, изгаляясь с кусочком полотна. По словам Сальмы, аристократы полоскали зубы меловой водой, а после протирали. Но простому народу барские вытребенки ни к чему. Наконец, здесь, в Броке, в лавке заморских диковинок нашлась щеточка с востока. По словам продавца — непонятного предназначения. Я же смотрела на нее и умилялась зубной щетке, как старому знакомому. Пришлось отдать аж пять медяков за диковинку. Похоже, нужно договариваться с селянами на рынке о щетине. Мел я нашла у аптекаря. На все это уходили горсти медяков. А ведь скоро осень, придется покупать теплую обувь и платье потолще. Даже если сильно экономить, осталось у меня денег не больше, чем на месяц.

Продать перстень-печатку? Я уверена, что получив такую вещь скупщик немедленно вызовет стражу. Все же баронская печать — не сережки.

Мне срочно нужна работа. Похоже, что старшая сестра небес слишком давно живет в Обители, если не подумала о рекомендациях. Может быть, у нее была бы знакомая аристократка, которая выдала бы мне рекомендацию с подписью и... печатью. Агата, ты балда! Ты знаешь аристократку, которая напишет для тебя любые письма!

Назавтра я отправилась в кварталы с лавками для публики побогаче. Через четверть часа брождений мне подсказали, где писчие товары. Пришлось заплатить целый золотой за три перышка, пузырек с чернилами, ножик для очинки перьев, три листа хорошей бумаги и с дюжину листиков поплоче для практики.

Я уже, было, собиралась попросить у лавочника совета по написанию рекомендации, но увидела, что на стенке висят разнообразные письма на все случаи жизни. Похоже, что я не первая с такими вопросами. Найдя среди них рекомендательное письмо я постаралась запомнить текст.

Сальма была не очень грамотна, и все же писать рекомендацию на ее глазах я бы не решилась. Но расписывать руку при ней я могла. Сальма, конечно, не преминула полюбопытствовать, чем я занимаюсь. — Практикуюсь в чистописании. Если устроюсь компаньонкой, придется писать письма для хозяйки, а я давно не брала перо в руки. — Ох, и охота тебе... — Я же ищу работу. — Ах, да. Ой, совсем забыла! Чарли придумал выехать в рошу за окраиной, как будет выходной. Он уже и с повозкой договорился, молочник нас отвезет по пути в селение. Назад, правда, пешком придется, но мы прогуляемся, правда?

Я с радостью согласилась. Конечно, Сальма задумала устроить нам с Чарли очередное свидание, уведя детей подальше. Теперь главное, чтобы поездка состоялась.

Остаток недели я напоминала детям, что в выходной их ждет роша, где они могут вволю побегать. Я потратила несколько медяков на тряпичный мячик. Я купила корзинку, куда можно сложить припасы, и позаботилась, что к утру выходного была головка сыра, копченый окорок, свежий душистый хлеб, маленький горшочек топленого масла, горловину которого я повязала чистой тряпицей, еще один с желтым медом, кулек с булочками и фляжка с водой.

Утром я с энтузиазмом встала и упаковала корзину. Чарли достал бутылочку вина и три глиняные кружки. Дети радостно скакали вокруг и облизывались на мед. Молочник вот-вот должен был подъехать, когда я принялась морщиться. Отойдя в "ванную", я вскоре вернулась и отозвала Сальму в сторону: — Прости, я не могу ехать.

У той вытянулось лицо в смертельной обиде: — Агнес! Как же так! Нет, нет, отказ не принимается! — Никак. Сальма, женские дни начались раньше, чем я думала. И болит, и неудобно.

Лицо девушки вытянулось еще больше. — Да, пожалуй, тогда не стоит. Но как же так... Может быть, отложим до следующей недели? — Нет-нет, что ты, дети сколько ждали этой поездки! Посмотри на них! Сальма, я обещаю, что через две недели мы снова съездим, правда-правда!

Та воспряла духом и побежала собирать команду. Странно, я ожидала, что Сальма начнет меня уговаривать и обещать, что поможет и прикроет, если понадобится. А не сговорились ли они с Чарли устроить соблазнение одной наивной и невинной сироты?

Чарли со вздохом выложил вино, и семейство отправилось отдыхать. Дождавшись, пока повозка скроется за поворотом, я вытащила белейшие листы плотной бумаги, поставила чернила, очинила перья и принялась писать.

Я решила начать с письма о компаньонке. Все же возиться с аристократическими отпрысками мне хотелось меньше, чем сопровождать престарелых тетушек по лавкам и читать им на ночь. К тому времени, как я закончила писать, мне казалось, что нужно снова сходить в "ванную" и сменить нижнее платье — я взмокла так, будто таскала на себе мешки. С замиранием сердца я достала печатку и прижала к рекомендательному письму о приятной и исполнительной компаньонке Агнесе Лизбер, которую баронесса Агата Лизток рекомендует от всего сердца. Магическая печатка оставила переливающийся оттиск.

С такой рекомендацией не стыдно и к самому бургомистру идти. А почему бы и нет? Наверняка слухи о побеге Агаты достигли и его ушей. Скажем, бывшая хозяйка обещала разузнать, кому может понадобится компаньонка, но ударилась в бега. Куда податься сироте?

Знает ли бургомистр Агату в лицо? Сестра в Обители упоминала, что Агата ходила по балам в столице. Скорее всего, бургомистр города в этой части королевства ее не знает.

Я сложила письмо в сумку и спрятала ее подальше под кроватью. Наверное, и правда стоит ополоснуться.

Пока я плескалась, вернулось семейство. На обратном пути их кто-то подвез. Вовремя я закончила. — Агнес, там было так хорошо! Через две недели обязательно, да?

Конечно, конечно, через две недели я непременно дам напоить себя вином, уволочь в кусты, а после, оказавшись в тяжести, покорно пойду в храм. То-то Сальма обрадовалась срокам, через две недели для их задумки даже лучше. Ах, милые, вы прямо как дети. Ха! Где вы учились, мы писали методички.

Утром я вытащила карту, рассмотрела юг королевства и пошла в магистрат. Скучающий клерк собирался, было, от меня отмахнуться, то упоминания о рекомендации баронессы живо пробудило в нем интерес. Через каких-то полчаса я сидела в кабинете бургомистра и нервно мяла краешек сумки. Молодой компаньонке положено быть смущенной и почтительной.

Бургомистр принял вид обеспокоенного судьбами юности дядюшки. — Когда, говорите, вы виделись с баронессой последний раз?

А и правда, когда Агата сбежала? Я не удосужилась узнать. Попробуем наугад. — С месяц назад.

Ответ "дядюшку" удовлетворил. — Она ничего не говорила о том, что собирается делать далее? — М-нэ... кажется, упоминала, что собирается в путешествие на юг. У нее не то родня, не то знакомые в Падроке.

Падрок — южный город, один из трех, которые я обозначила на перерисованной карте. Пусть ищут меня там. Пока доедут, пока прошерстят большой город, может быть, я подзаработаю золотых и все же поеду на север. Бургомистр меня не опознал, но судя по интересу, побег Агаты все еще горячо обсуждают у аристократов всего государства.

* * *

Сальма плакала так, будто я разбила ей всю жизнь. Впрочем, может, так оно и было. Она уже намечтала себе будущее, а я, злыдня этакая, устроилась работать компаньонкой к самой жене бургомистра. Да, я нехорошая, понимаю и признаю, но все-таки пакую вещи и прощаюсь и с вами, дорогие мои, и с малышами. Непременно буду навещать.

Чарли мой уход расстроил заметно меньше, хоть и чувствовалось сожаление. На прощание он мне сказал: — Спасибо, что помогла мне тогда, ну, с Гринфингом. Сам бы я ни в жизнь не решился.

С ним мы расстались намного теплее, чем с сестрой.

Теперь я буду одной из тех женщин в скромном закрытом платье, которые сопровождают жительниц высоких особняков, окружающих главную площадь. Бургомистр Трикат жил напротив ратуши, и мне выделили каморку на третьем этаже, рядом со спальней леди Трикат.

Утреннее знакомство с моей новой хозяйкой прошло неплохо. Леди Лилибет называла меня милочкой, потрепала по щеке и пожаловалась на моих предшественниц. Одна слишком громко топала по коридору, вторая обладала визгливым голосом, который напрочь отбивал желание слушать чтение книг, третья была нерасторопной и к концу дня жаловалась, что ее совершенно загоняли. И это только за последний год!

Я посмотрела на леди с уважением. Всего за год довести до ручки трех женщин, которые устроились к ней не от хорошей жизни и явно держались за место — здесь нужно иметь упорство кабана и совесть таракана. Меня всегда удивляли такие люди, особенно, если доживали лет до сорока без серьезных переломов. В этом мире, пожалуй, можно было бы поставить на хорошую порцию яда.

Но мне обещали три золотых в неделю помимо крыши над головой и места за столом — за хозяйским, замечу, столом. Кроме того, когда леди отошла, бургомистр отчитал мне пять золотых на новые платья и теплую одежду по погоде. Они должны быть такими же скромными, но самого лучшего качества, чтоб не ударить в грязь лицом перед аристократией Брока. На стене в моей каморке висел вырезанный из дерева маленький барельеф Небесных Родителей. В своем мире я была неверующей, но здесь, похоже, какие-то сущности за людьми и правда приглядывают. Не знаю, прослушивает ли кто-нибудь из небесной канцелярии изображения, но я на всякий случай, глядя им в глаза, сердечно поблагодарила за помощь.

Надеюсь, что два месяца я здесь продержусь. Да, будет уже разгар осени, и чем ближе к северу, тем холоднее, и наверное, это безумие — выезжать на север в это время не зная ничего о том, как там устроиться, но оставаться рядом с графством Торк надолго мне не хотелось бы.

На второй день, когда меня отправили заказывать новые платья, теплую пелерину и ботинки, я купила отрез тонкого полотна, ножницы, иголку и нитки. Шить по вечерам при свече было неудобно, но уже через два дня я надела первые в этом мире панталоны. Вскоре я обзавелась четырьмя парами, только стирать их приходилось самостоятельно, во избежание вопросов не отдавая нанятой прачке.

Уже через неделю стало ясно, что леди Лилибет родилась не в свое время и не в своем месте. Ей стоило бы появиться на свет на Земле в конце двадцатого века, а лучше — в двадцать первом, когда фармакология шагнула далеко вперед. Но увы, я не обладала ни нужными знаниями, ни аппаратурой, чтобы сделать для нее лекарства от известного и широко описанного в моем мире недуга. У леди Лилибет были "светлые" дни и дни "черные".

В "светлый" день леди Лилибет просыпалась, улыбаясь солнечному дню, а если день был не совсем солнечный или совсем не солнечный, супруга бургомистра выходила к завтраку с намерением раскрасить этот мир в самые радужные тона. После завтрака мы навещали кого-нибудь из ее подруг, а затем шли по лавкам. Леди скупала ворох всякой всячины от статуэток и настенных подсвечников до невозможных бантов и брошей. Я тоже не могла избежать ее хорошего настроения. В первый же "светлый" день у меня появилась пара действительно прекрасных серег с сапфирами.

После "светлого" дня нас ожидали трое суток штиля, а дальше следовал "черный" день. Леди Трикат вставала весьма не в духе. Бургомистр уходил на службу, едва солнце показывалось над горизонтом. Полагаю, зимой он убегает затемно. Слуги старались не казать носу в господскую часть дома зазря. Компаньонка, которая была обязана присутствовать при леди неотлучно, принимала на себя весь удар.

В первый "черный" день я едва ли не пожалела о том, что мне выдали вторую жизнь. — Милочка, кто вас учил манерам? Вилку следует класть ровнее, когда вы возвращаете ее на стол, чтобы потянуться за бокалом. Отпивать нужно один глоточек, не больше. Ах, что сегодня за день, как я буду гулять, если солнце режет глаза!

К счастью, визитов в этот день леди не делала, она вообще не желала выходить из дома. Она желала лежать на софе, страдать и шпынять прислугу, к которой она причисляла в "черные" дни и меня.

После обеда, который хотелось отдать потусторонним тварям, и желательно, чтоб забрали и меня впридачу, леди приказала дать три розги горничной, дала пощечину камеристке, а мне велела искать в библиотеке книгу по светскому этикету и до завтра выучить первые три главы. Сама же вернулась на софу.

Шепотом я послала служанку в ближайшую лавку, которая торговала дорогими иноземными товарами, за "чекулатом" — так здесь называли порошок какао. Он не пользовался популярностью, поскольку его пытались разводить холодной водой и пить без добавок. Я собственноручно сделала горячий шоколад и положила туда ложку меда. Что же делать, если они еще не придумали, как вытягивать сахар из свеклы, а где тут растет сахарный тростник и растет ли, неизвестно.

Я рискнула приблизиться к ворчащей леди с подносом, где лежали булочки и стояла чашка темного питья. — Что это вы мне принесли? Разве я просила? Вы, наверно, хотите, чтобы я обьяелась до заворота кишок. Что за коричневая жижа, откуда вы это взяли? — О, это очень редкий напиток, во всем Брое он есть только в одной лавке. — Небось, не пьет никто эту дрянь, вот и не продают.

Но попробовать она решилась. Пожевав губами, леди выпила полчашки и молча уничтожила булочку. Спустя четверть часа чашка опустела, леди поднялась с софы и бросила мне: — Пошли прислугу в ту лавку, чтоб скупили все, что у них есть. И загляни к книжнику, посмотри, может быть, привезли что-нибудь новое. — Да, конечно, — я сделала реверанс, перевела дух и убежала.

Пожалуй, можно обойтись и без фармакологии.

Через четыре дня, когда леди поднялась на гребень "светлого" дня, она зашла к модистке заказать платье на новый сезон и потребовала, чтобы мне показали что-нибудь из готового — она хочет сделать подарок, который тут же подгонят под мою фигуру. — Нет, нет, унесите этот серый кошмар! — закричала леди Трикат, когда помощница появилась с ворохом серых и коричневых нарядов, как две капли воды похожих на мой. — У девочки должно быть что-то для радости!

Мне предоставили выбор из четырех бальных платьев. Отказаться было невозможно — я рисковала закончить "светлый" день леди раньше, чем ожидалось по расписанию. Фуксия была для меня слишком яркой, цыплячий желтый и розовый делали из меня наивную простушку, но над четвертым платьем я и правда замерла от восторга. Синяя шелковая юбка глубокого цвета начиналась чуть выше талии и была украшена широкой тесьмой по подолу. Бархатный лиф того же цвета, что и юбка, обладал вырезом на полторы ладони — все еще приличным, который ничего не открывал, но будил воображение. Несмотря на то, что повседневные платья уже перешли на мелкие пуговицы, парадные все еще шнуровались на спине из-за более жесткого лифа. Рукава состояли из двух частей, привязываясь завязками, а на плечах, на локтях и на запястьях выглядывала шелковая камиза. К платью прилагалась сеточка для волос того же синего цвета. Я примерила набор, и леди захлопала в ладоши: — Милочка, вы прелестны, прелестны! Берем!

Помощницы модистки отметили, где нужно убрать длину, а где чуть сузить талию, и пообещали прислать платье уже завтра. Очень хорошо, что завтра. Я, конечно, шепну поварихе, что в "черный" день за завтраком нужно

подать горячий "чекулат", но уверенности, что он будет действовать всегда, у меня нет. А платье было бы жалко.

Учебник по этикету я все же нашла. Пересказывать главы от меня пока никто не требовал, и я изучала его не торопясь, стараясь запомнить все нюансы, за что удосужилась похвалы в один из дней "штиля". — Милочка, вы делаете успехи. Вот что значит — вовремя поданный правильный совет! А знаете, я хочу подшутить над нашим светом. Через две недели бургомистр устраивает карнавал. Я хочу, чтобы вы участвовали! Под маской вас никто не узнает, и посмотрим, опознают ли они неблагородную даму или же решат, что вы — одна из нас? — Леди Лилибет, я не против поучаствовать в вашем розыгрыше, но мне кажется, что раскрывать эту шутку, даже если она удастся, не стоит. Свет невзлюбит вас и возненавидит меня. А если же они что-то заподозрят, то пойдут самые грязные слухи. — О, вы правы. Вы останетесь в маске до конца, а мы посмеемся в узком семейном кругу. Да-да, вы правы. Если вы очаруете кого-нибудь из кавалеров, и они будут осаждать меня с просьбами раскрыть имя незнакомки, я буду просто счастлива! А знаете... Если нам удастся наша проказа, я вознагражу вас десятком золотых! — Благодарю вас, леди Лилибет, — улыбнулась я.

Золотые — это прекрасно. Это поможет мне сохранить чуть больше нервов и от близости графства Торк, и от "черных" дней леди Трикат.

Назавтра леди Лилибет посадила меня писать приглашения. К счастью, она предупредила меня за завтраком, и я успела подсмотреть в книге по этикету, как пишутся подобные тексты. Как хорошо, что я уже поднатрела во владении пером. Начали с составления списка. Леди рассуждала вслух: — У Маркатов взрослые сыновья, укажи, чтоб пришли непременно с ними. Но они дружны с Верками, у тех сын и дочь, придется звать. Впрочем, дочь очень умна. Но нам нужны и другие девушки, иначе моя задумка станет слишком очевидной. Фредвачи родня Фолово, и придется звать обе семьи, но так поступать неразумно. До того, как стать леди Фолово, всего два года назад, она была дамой полусвета и мистресс лорда Триката, а скандалы мне ни к чему. Нет, этих вычеркиваем.

Я едва удержала лицо.

— К тому же, — продолжала леди ровным голосом, — до сих пор ее появление в светских гостиных весьма спорно. Дальше... Лорд Рисентан два года назад был связан со скандалом, когда соблазнил дочь Горвардов и отказался жениться, но нашел, а может, нанял еще двух ее любовников и обелил себя. Впрочем, нет, если он примется за старое, тень падет и на нас. Тебе же его внимание совершенно излишне. Запиши леди Сак, у нее дочь, но в ее доме живет племянник. Оба нам пригодятся.

Леди Лилибет продолжала называть имена, я записывала, но думала про себя, что этот мир снова раскрывает мне не лучшие свои стороны.

Следующий "черный" день прошел не в пример спокойнее благодаря вовремя поданному горячему шоколаду. Прислуга связала одно с другим — люди вообще очень быстро соображают, когда дело касается целостности собственной задницы — и вся дюжина слуг пообещала просить за меня Небесных родителей.

Решив ковать железо, пока горячо, я навестила кухню и сообщила слугам, что если хорошо вымывать кухонные приборы после сырого, а руки — всегда при обращении с продуктами, то состояние леди Лилибет можно еще улучшить. Между прочим, ни разу не соврала — глисты и диаррея ни разу хорошему настроению не способствуют.

В "светлый" день я вздохнула, что не уверена, смогу ли танцевать на маскараде, и уже вечером к нам пришел учитель танцев. На четвертом занятии я шепнула, что завтра лучше сказать больным, и "черный" день прошел без потерь.

Я посетила лавку с притираниями, ароматическими маслами и средствами для смягчения кожи в поисках чего-то, что могло бы изменить оттенок волос. В лавке я нашла отвар из шафрана и чистотела, который придаст легкий золотистый налет, достаточно заметный, чтоб никто не подумал "а ведь волосы у нее, как у леди Лизток". Туфли леди Лилибет нашла среди своих — у нас, по счастью, оказалась одна нога.

Мне выдали три золотых и велели позаботиться о маске. Посмотрев на платье, я уже знала, кем я хочу быть. В восемнадцать лет еще можно позволить себе беззаботно порхать. Этот возраст так быстро проходит! В прошлой жизни он попал на тусклые годы, когда вместо "порхать" занимались "достать". Здесь моя жизнь тоже не располагает к увеселениям, но хоть один вечер я могу себе позволить забыть о горестях, о графстве Торк и о жестоком лорде. Я буду Сапфировой Бабочкой!

Купив кусочки шелка у модистки я смастерила симпатичные крылышки, которые пришила на ворот сзади. Они были похожи на пелерину, но по форме указывали на крылья. В книгах я нашла изображения дам на карнавалах. До идеи полного костюма тут еще не дошли, выбранного персонажа указывают намеками. Соломенная шляпка и посох — пастушка. Огромная брошь из перьев и маска-клюв — птица. Розовое платье, золотистая маска, шпильки-звездочки в прическе — утренняя заря. Моя маска будет в виде бабочки с золотыми завитками, сзади пелерина-крылышки — и порхать!

То ли я и правда в чем-то стала восемнадцатилетней девчонкой, то ли устала бояться и прятаться, но к балу я пришла в таком возбуждении и восторге, что даже "черный" день накануне был не таким уж черным — выпив чашку какао леди Лилибет заразилась моим настроением и весь день философствовала о том, что в жизни бывает

всякое, и не стоит поддаваться унынию. Прислуга смотрела на меня как на Добрейшую Мать во плоти.

В день бала меня освободили от обязанностей, тем более, что леди Лилибет было не до меня. Сначала она следила за приготовлением зала, затем нервно доспрашивала мажордома о меню, полчаса подремала на софе и призвала меня в свой будуар наводить красоту. Несмотря на маску мне полагалось сделать макияж. Я не стала отбеливать лицо по местной моде, лишь слегка осветлила кожу, подчеркнула глаза и выбрала достаточно яркую помаду, чтобы ничто не напоминало о скромной и блеклой Агате. У Агаты были правильные черты лица, русые волосы и ресницы чуть темнее волос. По моим меркам ее нельзя было назвать красавицей, особенно без макияжа, но для местных "натуральная красота" была привычной, и на Агату заглядывались при всей ее блеклости. Но сейчас, с золотистыми чуть притемненными бровями, темнокоричневыми ресницами, темнорозовыми губами — да, сейчас Агата стала красоткой. То есть, я стала красоткой. До сегодняшнего дня я видела себя только в маленькое зеркальце, но леди Лилибет дала мне возможность собираться на бал перед ростовым. Агата была хорошо сложена и вполне симпатичной, особенно, если ее приодеть. Может быть, если я буду иногда смотреть на себя в полный рост, я, наконец, привыкну, что вот эта девушка — я.

Пока камеристка леди Лилибет укладывала мне волосы, та придирчиво осмотрела меня и вынесла вердикт: — Прекрасно, не хватает только мушки у губ! — Леди Лилибет, это знак? — кажется, я читала, что мушками дамы обозначали тайные послания. — Да, — леди Лилибет посадила крохотное пятнышко себе на щеку. — Мушка слева — леди замужем. Мушка справа — леди вдова. Мушка у губы значит, что у вас нет ни жениха, ни кавалера. Я совершенно уверена, что к концу маскарада у вас появятся желающие стать тем или другим!

Когда я была готова, леди Лилибет подвела меня к зеркалу. Да, то, что отражалось, ничуть не напоминало прежнюю Агату. Более того, оно ничуть не напоминало меня. Но мне нравилось то, что я видела. Я не против носить эту личину, скажем, раз в год.

Сама хозяйка оделась царицей ночи: корона из звезд легла на черное покрывало, брошь-луна на черном платье, серебряная маска.

— О, как я забыла! Девушке высокого положения неприлично появляться без украшений. — Но на мне серьги, за которые я вам очень благодарна. — Ах, этого совершенно недостаточно. Вот, возьмите.

Леди Лилибет собственноручно надела мне на шею ожерелье из небольших сапфиров в обрамлении мелких жемчужин. — Вот теперь совсем хорошо! Милочка, вы произведете фурор! Но не забудьте, когда к вас попросят представиться, вы должны кокетливо хихикнуть и ответить, что вы — сапфировая бабочка. Ни в коем случае не называйтесь, вы сломаете всю интригу! — Конечно, леди Лилибет, разумеется, это не в моих интересах. Но что делать, если спросят, почему я здесь одна? — М... Скажете, что вы одна из моих воспитанниц. Я взяла на себя заботу о нескольких девочках-сиротах. Они живут в нашем особняке в провинции вместе с сонмом гувернанток и учителей. В противном случае бедняжек отправили бы расти при Обители, а все мы знаем, что там не лучшее воспитание для леди, которые собираются вернуться в свет. — Но разве не в обителях растут сирот благородного достоинства? — Ах, — всплеснула руками леди, — разве вы не знаете этих сестер? Вы сами провели у них год, не так ли? — Я кивнула. — Я удивлена, что вы остались здравомыслящей особой. Девочек при обители воспитывают так, будто они никогда не выйдут наружу. Возьмите, например, бедняжку Лизток. Она выросла совершенно неспособной к жизни в миру, совершенно. Нет-нет, мои подопечные хоть и лишены родительского тепла, но видят жизнь во всех ее проявлениях. И в город их вывозят, и на детские балы, и на ярмарки, и книги они читают разные, и ведению дома их учат. Когда девочкам исполняется восемнадцать, я привожу их сюда, даю освоиться и выбрать партию по вкусу. Будем считать, что вы одна из тех, кто достиг возраста, чтобы выйти в свет. За прошлый год двое сделали прекрасные партии!

Мне даже стыдно стало за свои прошлые мысли о леди Трикат. В конце концов, никто не виноват, что организм устраивает ему перепады настроения, а таблеток алхимиками еще не придумали. Зато она позаботилась о девочках, которые иначе, может статься, бежали бы от брака в огонь на алтаре.

Под конец сборов к нам заглянул бургомистр, окинул меня взглядом и удовлетворенно кивнул. Похоже, ему тоже интересно, чем закончится затея о представлении меня как аристократки.

* * *

Я повертелась недалеко от входа и вошла в зал с первыми гостями. Взяв у официанта бокал вина я присела на софу у стены. По местному этикету леди, у которой в руках еда или напитки, на танцы не приглашают. Первый танец я пропустила, присматриваясь к публике, отмечая детали — нет такой книги, в которой было бы описано все-все-все, что могло бы заменить практику. Перед вторым я подозвала официанта и поставила бокал на поднос. Скромно сложив руки, я осматривала зал. Не прошло и минуты, как передо мной появилось два кавалера, на выбор.

Приглашенный учитель довольно неплохо научил меня базовым шагам. По счастью, в большинстве танцев даме следовало лишь плавно идти туда, куда идет партнер, поворачиваться, следуя его руке, и обходить вокруг,

если он упал на одно колено. Лишь два танца подразумевали сложный рисунок с поворотами, которые мы с учителем разучивали последние четыре дня. В одном из них под названием везеданц дважды меняли партнеров. За него я волновалась больше всего, поскольку сменного партнера на уроках не было. Но леди Лилибет настоятельно просила не отказываться от этого танца, поскольку он считается показателем умения держать себя в высшем свете. Нетитулованные аристократы редко его разучивают.

Тем более я должна его знать, решила я. Все-таки теперь я, как-никак, баронесса.

К танцу со сменой партнеров я уже собрала изрядную коллекцию знаков внимания: комплименты костюму ("не удивлен, что вы выбрали именно этот образ, леди, вы порхаете легко, как мотылек"), комплименты волосам и пальцам — подозреваю, что остальные части тела были табу, и общее банальное "вы прекрасны как редкий цветок". Судя по тому, что я услышала эту фразу раз пять, в здешнем мире это что-то вроде нашего "ты сегодня хорошо выглядишь".

Партнер, с которым мы протанцевали среднюю треть везеданца, удивил тем, что не сказал ни слова, пока вел меня по кругу. Партнеры должны были смотреть друг на друга, и он обводил взглядом мои волосы, губы и быстро пробежал по плечам. На мужчине был коричневый с черным камзол, маска из короткого бурого меха, а на воротах прикреплены два клыка. Кабан? Странный выбор. — Сапфировая бабочка, — внезапно произнес мой партнер, когда мы остановились, чтоб выполнить несколько па. — Не потому ли, что вы порхаете от цветка к цветку?

Нахал! — О, так думают цветки, мимо которых я пролетаю. — А на самом деле? — Наслаждаюсь полетом, — я улыбнулась, по рисунку танца отошла на два шага и плавно взмахнула руками. Лорд с клыками догнал меня и вновь встал со мной в пару: — Рано или поздно, леди, ваши крылышки устанут, и ветер закрутит вас против вашей воли.

Он закружил меня и поймал. — Я уверена, что Добрейшая Мать не допустит, чтобы я попала диким животным. — Животные животным рознь, леди. Например, у вепря есть одна интересная черта. — О да, даже с закрытыми глазами его невозможно перепутать с цветком, — рассмеялась я.

Вепрь, значит. Танец снова развел нас, чтобы свести на несколько шагов, когда он успел сказать мне: — Нет. Вепря невозможно остановить.

И я перешла к другому кавалеру.

Следующий танец я пропустила — стоило отдышаться от везеданца, самого сложного в программе. Его, к счастью, танцуют лишь раз за вечер. Слуга налил мне холодного пунша, и я присела у стены рядом с компанией леди средних лет, которые не сразу обратили на меня внимание. — Неужели, неужели Арно посмел вас оставить? Неблагодарный юноша. Присмотритесь, кажется, вон тот Паяц весьма мил. Или Охотник? Впрочем, толстоват. — Я была неосторожна и плакала после расставания, супруг начал задавать неудобные вопросы, и если я обращаю внимание на юношей, подозрения перейдут в уверенность. — Ах, дорогая, как я тебе сочувствую. Мой супруг столь деликатен, что не заметил даже пары мужских сапог.

Пожалуй, стоит выбрать другую скамью, но поздно, на меня уже обратили внимание. Кажется, их ничуть не смутило, что я могла слышать их разговор. — А вот и неизвестная бабочка. Кто вы, дитя? Я не заметила здесь ваших родителей. — Я воспитанница леди Трикат. Я лишь неделю назад приехала из провинции, чтобы освоиться в свете. — О! Да-да, мы слышаны о небогодных делах нашей дорогой Лилибет. Будем надеяться, вас ждет судьба получше, чем у бедняжки Агаты. — Так и не удалось узнать, где она? — поинтересовалась другая дама. — Пока нет. Говорят, ее видели где-то на юге, и король бросил все силы туда. Говорят, отрядил на поиски Агаты часть личной гвардии.

Похоже, мое участие в разговоре закончилось, достаточно лишь слушать. Достаточно и очень полезно. — Король? Не граф Торк?

Ее собеседница рассмеялась: — Разумеется, граф Торк тоже к ним присоединился. Не уверена, что Его Сиятельство жаждет этого брака, хотя, конечно, обстоятельства обязывают проявить некоторое рвение, он и так последние годы в немилости у короля. — О, представляю, в какой ажитации дамы южных окраин! — Полноте, при короле он не посмеет. — Граф Торк? После того, как фрейлина Ее Величества устроила из-за внимания графа безобразный скандал жене министра под дверьми кабинета Его Величества? Возможно, это было последней каплей. — Совершенно согласна с вами. Сие есть поучительная история для молодых людей, которые долго избегали брака, отдав предпочтение разнообразию.

Дама усмехнулась. — О да, если бы он сам озаботился поиском невесты, королю пришлось бы искать на него другую управу.

Леди скромно, как положено аристократкам, захихикали. — А юным девушкам не понадобилось бы сидеть дома, пытаясь отмыть свою честь. — Вы про леди Анну? Невероятно неумная особа. — Вспомнив о моем присутствии, леди наклонилась ко мне и произнесла вполголоса, — ее фиаско послужит уроком всем молодым леди. Уничтожить репутацию в спальне мужчины легко, восстановить — невозможно.

Я покивала, пытаясь сохранить бесстрастный вид. Какой мерзкий мир! Мужчина может заводить сколько

угодно любовниц, может цеплять девиц в тавернах, может жениться на женщине против ее воли, может тащить в постель хоть крестьянку, хоть леди — и виновата всегда будет женщина, даже если она юна и неопытна. — Простите, леди, здесь слишком душно, мне стоит подышать свежим воздухом.

Стараясь не расплескать пунш, я сделала легкий реверанс и ушла на балкон.

— Прелестная бабочка заскучала в одиночестве?

За мной увязался один из партнеров по танцам, высокий блондин в бордовом камзоле и маске с нарисованными золотом всполохами огня. Еще в танце он обсыпал меня самыми банальными комплиментами, и нынешний заход тоже не отличался оригинальностью. Я покачала головой: — Бабочкам иногда хочется отдохнуть от мельтешения цветов.

Казалось бы, настолько прямой намек, но лорд его проигнорировал. Он придвинулся ближе и томным голосом проговорил: — Мне казалось, бабочки любят лететь на огонь.

Я сделала шаг назад: — Вы путаете нас с мотыльками. Не имею ни малейшего желания обжигать крылышки. — Огонь может быть очень, очень осторожным. — Прошу прощения, лорд Огонь, я хотела бы побыть одна.

Я намеревалась обойти его, но лорд сделал шаг в сторону, и я едва не впечталась в его грудь. Пунш взволновался, вышел из берегов и плеснул на его камзол. — Вот видите, что вы наделали, юная леди. Снимать камзол здесь будет верхом неприличия, поэтому у вас нет иного выхода, кроме как спуститься со мной в сад и помочь мне восстановить попорченную гордость.

Он взял меня за плечо и принялся подталкивать к боковой лестнице, которая вела с балкона во внутренний двор, где росло несколько деревьев и стояло две укрытые плющом беседки. — Оставьте меня, — процедила я сквозь зубы. — Я не сдвинусь с места.

Я кинула взгляд на окна. Увы, мы удалились в ту часть, которая едва просматривалась из-за гардин. К тому же, стемнело, и из освещенного множеством свечей и артефактов зала темный балкон видится лишь черным пятном. — Не упрямясь, мы всего-лишь поговорим, познакомимся поближе. — Благодарю, но не имею ни малейшего желания.

Лорд направлял меня к лестнице, а я цеплялась за перила и составляла план: остатки пунша в лицо, каблуком по ноге... м... нет, у них толстые сапоги, а каблук тут не острый и совсем маленький. Значит, под колено, вывернуться из руки и... в зал? — Леди сказала, что не имеет ни малейшего желания куда-то с вами идти.

Дикие звери боятся огня, но этот Вепрь, похоже, ничего не боялся. Улыбаясь, он положил руку на локоть бордового. Мой настырный "кавалер" был на полголовы выше него, но Вепря это не остановило. Как он говорил? Его невозможно остановить? — Лорд Животное, — мой пламенный ухажер пытался съязвить, вырывая руку, — соблаговолите не вмешиваться в нашу с леди беседу. — Беседа подразумевает, что собеседники слушают друг друга. Надеюсь, вы уже все услышали, и мне не придется рвать ваше горло, лорд Головешка?

Бордовый отпустил меня, и его ноздри раздулись. Вепрь смотрел на него с насмешкой. — Вы нарывааетесь на вызов, лорд Хряк? Магические дуэли запрещены, а оружие на бал не берут. — Мое главное оружие при мне, лорд Обгорелый, и это вовсе не магия, — лорд Вепрь потер кулак. — У вас привычки простолюдинов. Я не уверен, что беседую с благородным человеком, лорд Свиныя. — Что ж, посмотрим, сохраните ли вы аристократическую физиономию, пропахав ею пол.

Вепрь двинулся на бордового, тот отступил на полшага и поднял руку, будто желая оттолкнуть оппонента. Через мгновение бордовый стоял на коленях, с заломленной рукой, хрипя в удушающем захвате. — Сейчас вы, лорд Ничто, подниметесь, пройдете через зал и покинете этот гостеприимный дом. И не дай Великий Отец мне встретить вас здесь через четверть часа. У хозяина этого дома есть клинки, я в этом уверен. На случай, если вы решите продолжить нашу занимательную беседу, завтра же утром лорд Трикат будет знать мое имя. А сейчас вон.

Он отшвырнул бордового так, что с того слетела маска, обнажив перекошенное злобой лицо. Ничего не сказав, бордовый исчез за дверью.

Я сочла нужным проявить вежливость. — Благодарю вас, лорд Вепрь. Вы появились вовремя. Боюсь, мой способ защиты привлек бы слишком много ненужного внимания. — Рад услужить спасению чести, леди Бабочка. — Он глянул в зал. — Я бы сказал, что принимаю благодарности танцем, но увы, вышагивание по паркету закончилось. — Да, бал подходит к концу. Было приятно познакомиться с вами, лорд Вепрь. — Вы уже прощаетесь? Думаю, у нас есть еще с полчаса на продолжение знакомства.

Он шагнул ко мне и искушающе улыбнулся. В отличие от большинства мужчин в зале этот лорд был чисто выбрит, и оттого его улыбка казалась еще более откровенной. Лорд проговорил, понизив голос: — Вместо танца вы можете отблагодарить меня иначе. — Что? Что вы себе позволяете?

Я бросила панический взгляд на окна. Теперь нас совершенно не видно изнутри. Лорд рассмеялся: — Ах, какие интересные мысли бродят в головке бабочки. Но нет, я намекал всего-лишь на поцелуй. — Вам не кажется, что вы не следуете своему же совету — слушать друг друга? — Хорошо, — покладисто проговорил этот нахал. — Как только вы скажете "нет", я тут же провожу вас в зал.

С удивлением я проследила, как он вынул из моей руки злополучный бокал с остатками пунша и поставил на парапет. Он взял мои руки в свои и погладил пальцы. Половина его лица пряталась под маской, но я и так видела — этот мужчина обладает изрядной харизмой. Которая, твари меня побери, объединившись с организмом Агаты, начинает действовать. Я тряхнула головой. Соберись, Агата, всего-лишь короткое "нет". Тем временем, нахал провел пальцами по ладоням и скользнул выше. Он поцеловал по очереди запястья там, где кожа тонкая и такая чувствительная, положил мои ладони к себе на плечи и притянул меня за талию. Агата, соберись! Нет! Я облизала губы и судорожно вдохнула. Выдохнуть я не успела — лорд накрыл мои губы своими.

Хуже всего было то, что на мгновение я ответила на поцелуй. Но почувствовав, что его рука касается маски, я оттолкнула его, отворачиваясь, и подбирая юбки бросилась к лестнице. Маска осталась у Вепря в руках. Не тратя времени на бег по ступенькам я перемахнула через перила — какое счастье, что розы растут в другой стороне, и я потоптала хризантемы. Здесь, за выступом, есть черный ход. Я рванула дверь на себя и прыгнула внутрь. Пима, молоденькая помощница кухарки, сделала большие глаза.

Просипев "Меня тут не было!" я скрылась в кладовой. — Она здесь?! — лорд распахнул дверь. — Кто? Кого вы ищете?

Умница, куплю ей шелковые ленты — мечту небогатых девушек.

Лорд потопал по коридору, что-то пробормотал, дверь хлопнула, и девушка осторожно постучала в кладовую: — Выходите, госпожа Агнес, он ушел.

Я вышла осмотрела себя при свете свечей — платье в порядке, только туфельки в земле. Но мне все равно нельзя показываться никому на глаза без маски.

Пима все еще смотрела на меня, и я вспомнила, что из прислуги только камеристке сообщили о нашем маскараде на маскараде. — Леди Лилибет знает, — успокоила ее я. — Этот лорд сорвал с меня маску, но мне удалось вернуться и убежать. Знаешь, я лучше посижу здесь, пока гости не разойдутся. Пожалуйста, не говори никому, что видела меня в господском платье, хорошо? Это очень важный секрет.

Понятливая Пима принесла мне свечку, и я с полчаса просидела на ящике, пока мне не сообщили, что последний гость, наконец, отъехал.

К этому времени я уже успокоилась и сумела преподнести историю леди и лорду Трикат с веселой стороны. — О-о... — в восторге протянула леди. — Какие разговоры будут в гостиных Брока месяц, а то и два! Лорд Веркок вышел с балкона помятый, и когда его спросили, что произошло, он неосторожно ответил, что бургомистр приглашает всяких умалишенных. Не одна юная леди давала ему пощечину за настойчивость, и теперь ходят слухи, что моя воспитанница его ловко отделала. Дорогой, кто был под маской Вепря? — Представь себе, не имею ни малейшего понятия. Наверное, кто-то пришел как друг семьи. Но я уверен, что он еще проявит себя. Агнес, ты явно произвела на него впечатление. Если он без титула, приличного рода и ничем себя не запятнал, может, тебе стоит раскрыть инкогнито? Браки между нетитулованными мужчинами и горожанками хоть и изредка, но случаются. Ты станешь леди. — Благодарю, лорд Трикат, но я сомневаюсь, что речь шла о браке. — Зайдет, я в этом совершенно уверен, — усмехнулся он. — Интересно, кто же это. — Завтра узнаем, — тряхнула буклями леди Трикат. — Мне кажется, пора спать, это был утомительный вечер, но совершенно, совершенно прекрасный! Милая, — обратилась ко мне леди Лилибет, и я отметила, что меня повисили из милочек. — Я настаиваю, чтобы ты завтра отдохнула. Сон так важен для красоты! Все, все, всем спать.

Дорогие читатели, если вы считаете, что книга достойна быть прочитанной другими, пожалуйста, поднимите ей рейтинг кнопкой "мне нравится". А музз автора порадуетесь вашим комментариям.

Проснулась я от того, что на улице кто-то кричал с отчетливыми гневными нотами, заржала лошадь, и послышался удаляющийся цокот копыт.

Что ж, пора вставать. Завтрак я наверняка пропустила, но в кухне для меня что-нибудь найдется.

Я вымылась, оделась в обычное серое платье, причесалась и спустилась вниз. Меня встретил взволнованный лорд Трикат и леди Лилибет со смешанными чувствами на лице. — Агнес, — начала леди. — Для начала хочу сказать тебе, что у нашей затеи был оглушительный успех. Маркиз Букпол и барон Тзале прислали записки, что умоляют познакомить их с тобой без маски. Поверенный юного лорда Сардела явился ни свет, ни заря с предложением брака. И это только начало, я уверена, что еще не все проснулись! Милая, ты дашь разрешение объявить им на следующем салоне, что ты вовсе не аристократка? — Но, леди Лилибет, мы ведь решили, что мне это повредит, да и вам ни к чему. — Вот здесь хорошие новости заканчиваются, — вступил в разговор бургомистр. — Не далее как полчаса назад мы побеседовали с лордом Вепрем. Я не хочу пугать тебя его настоящим именем, но поверь, тебе лучше держаться от этого человека подальше по многим причинам. — Чего он хотел? — Он хотел познакомиться с тобой без маски, и если знакомство пройдет удачно, то жениться. — Кхм. У него есть титул? — Есть. — Значит, достаточно было бы сказать ему, что я простая горожанка.

Трикаты переглянулись и виновато на меня посмотрели. — Мы сказали. Это не помогло. — Но разве титулованный аристократ имеет право жениться на девушке без благородного достоинства? — Да, по разрешению короля или через магический брак, если его утвердят Небесные Родители. Такие браки не приняты в обществе и случаются очень редко, но возможны. — Значит, достаточно сказать ему, что я против. — О, он умеет убеждать. Но если вы поженитесь, это принесет большие беды всем: и ему, и тебе, и нам, — бургомистр вздохнул. — Мы пытались его отговорить, но этот кабан уперся и слышать ничего не хотел, устроил безобразный скандал и требовал дать ему увидеться с тобой, а это чревато крупными неприятностями. Нам очень не хочется отпускать тебя, но... уезжай, Агнес. Я выплачу тебе тридцать золотых сверх того, что положено за работу, и дам любые рекомендации. — Благодарю вас. Но о нашем маскараде знает Пима и ваша камеристка.

Леди ненадолго задумалась, но быстро решила. — Пима зарабатывает на приданое, сама она из села. Я выдам ей достаточно золотых, и пусть уезжает домой. Камеристка будет молчать. Я плачу ей сверх положенного, где еще она такое место найдет. — Ей могут заплатить большую сумму за сведения обо мне. — Не станем выпускать ее из дома несколько дней, а там она не будет знать, куда ты уехала, — решила леди. — Благодарю. Столько беспокойства. — Ах, милая, все разрешится. Зато шутка того стоила! После такого внимания от кавалеров будут смеяться вовсе не надо мной! Какие разговоры пойдут, какие разговоры!

Ладно, пусть развлекается. Я кивнула, и леди захлопала в ладоши, предвкушая фурор в салоне.

Значит, я уеду раньше, чем собиралась. Может быть, это и к лучшему. То, что я услышала о графе Торке на балу, лишь добавило причин избегать его общества.

На север, срочно на север. Меня ищут граф Торк, лорд Вепрь, королевские слуги — и все на одну меня.

День ушел на то, чтобы подготовить мой отъезд. Бургомистр, не мелочась, купил повозку и коня. В обозе, который уходил на север, его помощник нашел молодую семью, которая ютилась с краю повозки старших родственников. Им заплатили, чтоб муж правил моим "экипажем", а жена помогала мне в дороге. Они сказали — прислуживала, но такой подход вызывал внутренний протест. Мы едем в одной повозке, я в этом мире никто, самозванка, вселившаяся в тело девушки, всех достоинств которой — рождение в семье барона. Нет, пусть будет помощница.

Сумма, которую мне выдали, была внушительной: двенадцать золотых за четыре недели и тридцать за неприятности. Я повесила на пояс кошель с пятью золотыми на дне, сверху — горсть серебра и меди, под юбку — об этом никто не знал — пришила мешочек с пятью золотыми и перстень. В этот раз получилось удобнее — теперь на мне были панталоны. Остальные деньги Лилибет наказала вшить в юбки нижних платьев. Я разделила монеты между нижними платьями и панталонами. Одежда стала тяжеловатой, но даже если меня ограбят, украдут с одеждой, половина монет останется при мне.

Бургомистр удивился моей просьбе, но дал мне возможность срисовать с карты ту часть севера, куда я направлялась. Заодно я получше рассмотрела карту королевства. К северу лежали земли, по которым кочевали неорганизованные племена. Бургомистр сказал, что отец нынешнего короля посылал туда отряды, разведать, есть ли что-то полезное, но нашел лишь скудную землю, а дальше — вечные снега. Поставили гарнизоны, чтоб дикари сюда не совались, и ладно.

Обоз, куда меня устроили, шел в маленький северный городок Колдрок. Бургомистр был уверен, что я сойду на полдороги, в городе, который стоит недалеко от замка маркиза. Местные аристократы наверняка примут компаньонку с такой рекомендацией, как у меня. Я не говорила Трикатам, что собираюсь доехать до самого

Колдрока. Теперь, когда я больше знала об этом мире, я понимала — это чудо, что за несколько недель меня никто не узнал в Броке. Раз сюда доходят слухи из столицы, значит, и столичные лорды и леди бывают. Нет уж, пересяжу два-три года в Колдрокке, пока история не забудется, и решу, что делать.

Перед отъездом я решила поговорить с леди Лилибет. Все-таки она неплохая женщина. — Леди, когда я училась в городском пансионе, к нам приходил старенький лекарь рассказывать про болезни. За свою жизнь он многое повидал. Однажды он упомянул странный недуг, при котором в некоторые дни человек весел и радостен, даже если к тому нет никаких причин, а в другие — грустит и печалится. — Ах, милая, эти доктора чего только не выдумывают. Наша жизнь такова, что то веселье, то печаль. — Нет-нет, для человека, страдающего этим недугом, нет причин для веселья и печали. Одно и то же в один день может развеселить его, в другой — расстроить. Например, — я внимательно посмотрела на нее, — яркое солнце. — И прежде чем леди начала возмущаться, быстро проговорила. — При чем лекарь был совершенно уверен, что эта болезнь не душевного, а что ни на есть телесного свойства.

Леди нахмурилась. — Не представляю, как телесные причины могут делать веселым или грустным. — Когда маленький ребенок голоден, он плачет — это ли не проявление грусти по телесным причинам? Правда, с этой болезнью все сложнее, но лекарь был уверен, что воздействуя на тело можно снизить проявления недуга. — И как же? О. Погодите. Чекулат? — Именно. Чекулат помогает телу побороть грусть. Только пользоваться им стоит осторожно, иначе воздействие пропадет. — О...

Уф. Теперь все, можно уезжать.

Из особняка я вышла под видом прачки. Я вынесла здоровенный тюк вещей, пронесла его через сад и на соседней улице уложила в повозку. Следом за мной принесли еще один. Ох ничего ж себе я разжилась вещами за какой-то месяц с небольшим.

Вскоре мы присоединились к обозу, который не торопясь выезжал из города.

И потянулись унылые дни, наполненные дорожной тряской, пылью, редкими остановками, удобствами под кустом и постоянными дворами все беднее и страшнее.

А у меня впервые появилось время подумать в тишине. Моя попугчица будто обладала неким пределом, за которым у нее заканчивались слова. Мы разговаривали утром, сразу, как выезжали, и вечером, когда наступали сумерки, и вот-вот должны были доехать до очередного селения. Оставшееся время мы молчали, и я могла привести в порядок мысли.

Мне в этом теле восемнадцать лет. Король не будет искать меня вечно, а графу, если верить дамам на балу у Трикатов, я уже сейчас не нужна, и как только над ним перестанет довлеть гнев короля, он откажется от баронессы Агаты Лизток с удовольствием. Про лорда Вепря и говорить нечего, он быстро остынет. Но власть имущие мстительны, и стоит мне попасться на глаза кому-нибудь, кто знает Агату, они не упустят повода подольститься к монарху, выдав ему непокорную особу. Значит, нужно уезжать в другую страну.

Срисовывая северную часть в кабинете бургомистра я отметила, что с востока и с юга у этого королевства есть соседи. С запада море, но за морем тоже могут быть страны. Когда Трикат доставал карту, мелькнула другая, меньшего масштаба, на весь континент. Я лишь успела заметить, что география здесь ничуть не похожа на земную.

Я очень мало знала об этом мире. Я брала на вечер книги из библиотеки Трикатов — если можно три стеллажа назвать библиотекой — но кроме беллетристики я нашла только две кулинарные книги, наставление по этикету, некое мутное описание разговоров при дворе с философствованиями и поучениями, и семь книг по местным богам. В отличие от моего мира в существование высших существ здесь я начинала верить, но что из описаний истина, а что — выдумки религиозных деятелей, определить не представлялось возможным.

Моя попугчица была родом из селян и о мироустройстве не знала, да и не задумывалась. Она рассказывала мне о своей жизни, и я начала неплохо понимать, на каком этапе развития находится это общество, по крайней мере, в аграрной части. Хочется надеяться, что в северном городке, куда направляется обоз, найдется кто-то с более обширными познаниями.

Через две недели мы приехали. По моим представлениям конный преодолел бы это расстояние дней за пять. О прошлой жизни я старалась не думать, переходя на новые измерения.

Начиналась осень, и здесь было заметно прохладнее. Уже несколько дней с утра и ближе к вечеру я заворачивалась в осеннюю пелерину. Похоже, обзаводиться зимней одеждой и обувью придется раньше, чем я предполагала.

В городке жило тысяч пять или шесть человек, но он считался центром северной части маркизата, и торговать сюда съезжались со всех окрестных поселений. По ярмарочным дням жизнь здесь бурлила. В такой день мы и приехали. Мест на постоянных дворах не оказалось. Кто ехал к родным, быстро разбрелись по домам, я же с тремя семьями осталась стоять у переполненной таверны. — Где ж нам сегодня ночевать... — растерянно вздохнула одна из женщин. — Может, на сеновал попроситься. — Да там, поди, все занято. А вещи? расташат же.

Да, у всех было много вещей, ехали надолго или насовсем. Сейчас мы сложили их в общую кучу — так легче присматривать. — Господа, полагаю, здесь есть ратуша. — Я обвела отчаявшихся людей глазами. — В такие дни бургомистр должен быть на месте. Надеюсь, он поможет разрешить вопрос.

Подхватив тюки, мы двинулись на площадь. Моих тюков было два, но одна семья отрядила мальчишку помочь мне с тем, что поменьше. Идти пришлось недалеко, но двигались мы медленно. Что ж, если бургомистр уже ушел, пусть его вызовут. Наверняка недалеко живет.

Бургомистр увидел нас из окна своего дома. Вряд ли его можно назвать особняком, в Броке такие дома принадлежали зажиточным горожанам. Даже нетитулованные аристократы старались жить в домах побольше. Подозреваю, что титулованных в этих местах и не бывает. Разве что, какой-нибудь баронет същется. Я улыбнулась своим мыслям — возможно, я обладаю самым высоким титулом на несколько дневных переходов вокруг. Эта часть севера принадлежит маркизу Рамбаху, но сам он живет довольно далеко, на полпути от Брока.

Высочивший из дома рядом с ратушей пожилой лорд на ходу застегивал камзол. — Что такое, почему толпитесь? Бунт? — Милорд, — вперед выступил самый старший из нас. — Ночевать негде. Селяне все постоянные дворы забили, все комнаты, а мы тут... — он показал на сбившиеся в кучу семьи, — с бабами, с детьми. Может, можете чем.

Бургомистр обводил нас взглядом, что-то прикидывая. Народ был чистый, одет неплохо для небогатых горожан и крепких селян. Наконец, решил: — Идем внутрь, поговорим.

Внутри на первом этаже оказался небольшой зал со скамьями. Бургомистр прошел вперед и сел на свое место лицом к залу. — Назовитесь, кто вы и чем занимаетесь.

Плотник и кухарка с детьми, семья красильщиков из сгоревшей мастерской, пивовары с грамотой из гильдии, и я. — У меня есть рекомендации компаньонки, милорд, но я согласна на работу нянкой, гувернанткой, могу учить детей.

На лице бургомистра отобразилась тоска. Он молчал, рассматривая потолочные балки. — Гривардам кухарка была нужна. Вроде как, каморку дают, дальше сами устройтесь. Как выйдете отсюда, налево, через четыре квартала направо, белый дом с синей крышей по правой стороне, на доме их имя написано. Читать умеете?

Плотник несмело кивнул, и семья, подхватив тюки и детей, потянулась к выходу.

Пивоваров отправили в самую большую таверну, где варили свое пиво. Если не пригодятся, то хоть устроятся на ночь. По местным традициям бросать сотоварищей по гильдии нехорошо.

Красильщиков в городе не было. Я припомнила, что пока мы шли сюда, я не заметила привычного по Броку разноцветья. Синий камзол бургомистра, видимо, выделял его как избранного. Местные ткани, как он сказал, красил кто-то из селян в разные степени коричневого или просто отбеливал. В конце концов, бургомистр отправил семью к ткачам — может, договорятся, а нет, пусть передадут, что он наказал хоть бы в мастерской на ночь разместить.

Осталась я. Мы сидели вдвоем в зале ратуши, я в первом ряду, бургомистр напротив меня в кресле, и смотрел он на меня слишком пристально и задумчиво. — Молодая, красивая, без семьи, — в конце концов произнес он. — Лет-то тебе сколько? — Двадцать один, — накинула я для солидности и большей убедительности в опыте. — Замуж тебе надо.

Я улыбнулась: — Прямо сегодня? Или, может, хоть осмотреться дадите?

Он фыркнул: — Все шутишь. Тут край суровый, мужиков всегда больше, чем женщин. Молодая, красивая и без защиты семьи — повод к раздору, даже такой перестарок, как ты.

Аристократия в восемнадцать девушку выводят в свет, и если она до двадцати лет не обзавелась женихом, значит, что-то с ней не то. Это мне уже рассказали. Горожанки стараются найти мужское плечо еще раньше. Что ж, пусть буду перестарком. В моем положении чем меньше внимания, тем лучше. Бургомистр смотрел на меня и

что-то прикидывал. — Я не хочу оставлять тебя в городе, — в конце концов признался он. — Либо за тебя будут драться, либо соберутся охотнички попользоваться, а там тебе дорога только в таверну Литы, что на отшибе стоит.

Он остро глянул на меня, проверяя, поняла ли я, какие блюда подают у Литы. — Нет, таверна Литы не для меня. — Вот что, — бургомистр для убедительности хлопнул ладонью по подлокотнику. — В часе ходьбы от города небесные сестры собрали сирот. Сироты неблагородные, сюда их чуть ли не с половины маркизата свозят. Рук не хватает. Денег там нет — не станешь же ты отбирать у сирот монеты на новые платья. Но жилье и похлебка у тебя будут. Поживешь там с год, а я тебе мужа пока присмотрю. — Может, я как-нибудь сама? — Сама? Сама ты уже до Колдрока перестарком доехала. Переночуешь у нас с женой, завтра тебе повозку найдем, чтоб с барахлом твоим до сестер довести. — Повозка, на которой я приехала, принадлежит мне. — Вот и ладненько, давай ее ко мне во двор.

Что ж, у меня есть год, чтоб решить, как быть дальше. За деньги я не беспокоилась — если тратиться только на недорогую одежду и мелкие расходы, то моего золота хватит года на два. Правда, путешествие, которое я задумала, как только меня перестанут так рьяно искать, потребует изрядно денег, а устройство на новом месте тем более. Значит, у меня есть год, пока бургомистр вынашивает на мой счет матримониальные планы в пользу кого-то из горожан. За этот год мне нужно выяснить, куда добратся по северным окраинам.

Утром вышла заминка. Повозка с лошастью останется при приюте, по крайней мере, пока. Значит, лошадь нужно кормить, за лошадью нужно ухаживать. Пришлось заехать туда, где в поле приехавшие торговать на ярмарку селяне складывали непроданный товар по телегам, и купить там щетку и столько сена, сколько уместилось в повозку поверх моих узлов. Я никогда не правила лошадьми, и бургомистр отрядил слугу, чтоб довез меня до приюта. Назад вернется пешком, всего-то час, погода хорошая. Похоже, бургомистр очень хотел избавиться от возможного источника беспокойства.

Не знаю, чему обрадовались в приюте больше — мне или повозке с лошастью. Сестры мигом посчитали, что если ездить за провизией самим, а не покупать, что привезут селяне, то выгода покроет и прокорм лошади, и прочие расходы. И за дровами можно ездить, и в город ребят хоть иногда свозить. Сиротам нехудо было бы поучиться обходиться с лошадьми — так им легче найти работу, как подрастут. Так что, приняли нас с распростертыми объятиями.

В приюте жило сорок два ребенка. Работали две сестры неба и четыре девочки-подростка. Самому маленькому едва исполнилось два года. Мальчикам лет в десять-одиннадцать подыскивали место батраков или подмастерьев. Девочек оставляли при приюте до восемнадцати, но чем старше, тем больше они становились работницами — впрочем, как и мальчики. Старшие дети трудились, как могли. Судя по виду одежды, ее шили тут же, в приюте, из небеленого полотна. Вокруг росли овощи и травы, а по рукам многих детей было видно, что они возятся с землей.

Раньше тут был хутор. Приют жил в трех селянских домах, обычных для севера: стены из врытых в землю половинок бревен, крыша из торфа, один дом выходит из стороны небольшого холма — земля хорошо защищает от холода зимой. Имелся и сарай с конюшней, где держали всякую всячину, а сейчас бросились освобождать место для неожиданного жильца.

В одном доме жили девочки, в другом мальчики, в третьем — что-то вроде общей комнаты, а за перегородкой — сестры неба и помощницы. Все спали на грубо сколоченных трехярусных кроватях. Хорошо хоть, что не шатаются. В комнате для взрослых было три кровати по три места, и мне дали на выбор среднюю или под потолком.

Приют выживал. Сестры с гордостью сказали, что за прошлую зиму умерло всего два ребенка — от жара и кашля, а от голода и холода тут никто не умирает! Деньги на содержание приюта присылает маркиз, и шлет он надежного человека прямо сестрам в руки. Иногда что-то перепадает от бургомистра, если хороший год. Если плохой, что ж, не получится побаловать детей свежим молоком и яйцами хоть иногда.

Я здесь на год. А они всю жизнь. Дети выглядели хоть и здоровыми, но худыми и мелкими. Это не пухлощекие карапузы, которых я видела предыдущие шестьдесят лет.

В голове всплывало то, что я знаю о деревенской жизни, и какие-то осколки прочитанного про средневековье. — Сестра Мартия, я здесь человек новый, я из города на юге, поэтому простите, но некоторые вопросы могут показаться вам наивными. Есть ли причины, по которым вы не заведете куриц? Насколько я знаю, за ними не нужен дорогой уход. Почему вы не устройте какое-нибудь прибыльное дело? Например, девочек можно посадить за прядение. Можно даже готовить шерсть здесь, на месте, покупая сырую у селян. Дети постарше могут ее чесать.

Сестра Мария вздохнула: — Ты и правда человек новый. Куры у нас были, но весной несколько деток сильно болело, пришлось всех зарезать. Прядильное колесо стоит два золотых. Знаешь, сколько мы можем купить еды на золотой? — Сколько? — На неделю.

Если они живут едва-едва вытягивая еду и тепло зимой, то сколько же им золотых выделяют? Трикат легко

расстался с тридцатью золотыми, чтоб откупиться от совести. Маркиз может увеличить их содержание втрое и не заметить. — Я попробую уговорить бургомистра выделить вам золотые на два прядильных колеса и на шерсть. А может, и на куриц. Мы съездим прямо... — я посмотрела на солнце, которое катилось к горизонту, — завтра. Но бургомистр прислал меня сюда, чтоб не молодая одинокая женщина не мелькала в городе. Я могу одеться сестрой неба? — Ты добрая девочка, но золотые ниоткуда не возьмутся. Нет, я не могу дать покрывало тем, кто не принял обет, но серый балахон и белую повязку ты надеть можешь. Младшим сестрам обеты не нужны, лишь желание жить праведной жизнью рядом с сестрами неба. Думаю, тебе лучше будет и тут жить как младшая сестра.

Я перебрала тюки и сложила отдельно то, что мне здесь явно не понадобится — городские платья, в которые завернула наряд Сапфировой бабочки так, чтоб ни краешка не выглядывало. Нижние платья скоро можно будет поддевать для тепла под балахон, а верхние пусть лежат. Я достала золотые из вшитого запаса. Что будет через год, еще неизвестно, а поднимать приютское хозяйство нужно уже сейчас. Глядя на худеньких малышек я видела своих внуков.

Утром я появилась в кабинете у бургомистра насилу уговорив сестру Мартию дать мне побеседовать с бургомистром наедине. Та кидала на меня такие взгляды, что мне захотелось привести бургомистра к присяге, что он не тронет мою честь. Но я пробуду там недолго, а за пять минут удовольствия никто десять золотых не отвалит. — Доброе утро, милорд, у меня к вам просьба. — О, вы вступили в Орден младшей сестрой? Похвально. Но у меня нет лишних денег для приюта. Я им отдал уже все, что мог в прошлом месяце. У нас тут не Брок, и золоте не купаемся. — Милорд, мне не нужны деньги. Мне нужно, чтобы вы подтвердили сестре Мартии, что вы дали десять золотых.

Я выложила на стол кошель. Бургомистр хмыкнул: — Забрала приданое и сбежала от жениха? Ладно, если ты все равно вступаешь в Орден и тратишь золотые на небоугодные дела, не выдам.

Сестра Мартия, увидев кошель, едва не задохнулась. Я поспешила уточнить: — Но это на ремесла и на куриц!

Я зашла к ткачам и нашла там семью попугчиков. Дети тихо сидели у стенки, взрослые бродили среди станков и шевелили губами. Владелец, отвлекшись от дела, покачал головой. Я подошла к красильнице: — Не выходит дела? — Не ткут тут столько, да и не прядут. — С ткачеством помочь не могу, а вот с прядением... Вы же и пряжу тоже красите или только готовую ткань? — И так, и сяк. — Значит, договоримся.

Вернулись мы под вечер, объехав еще два села, нагруженные сеном для лошади, зерном для кур, двумя плетеными из прутьев клетками с дюжиной квохчущего приобретения, тюками шерсти и чесалками. Колеса мы заказали, и нам велели приехать через два дня. Красильщики снимут у ткача место и поставят чан. Я дала им одиннадцатый золотой, чтоб заказали у заезжих торговцев краску получше, но сестрам об этом знать не надо.

Когда мы рассказали новости и выгрузили приобретения, сестры заулыбались, девочки-помощницы повеселели. — Может, и не придется в трактир идти, — выдохнула одна.

Я посмотрела вопросительно на сестер. Те отвели глаза. — Если к батракам замуж пристроить не можем, как подрастут, то идут работать кто куда. Сироте тяжело... В обитель без взноса не берут.

Да что ж у них за мир такой! Ясно же, кем станет в трактире пришлая разносчица, которую защитить некому! Да и при любой мастерской — хорошо, если мастер приличный человек, а если нет? Ничего, я вам устрою эмансипацию на одном отдельно взятом хуторе.

Ночь пришлось спать под квохтание и кудахтанье. С утра принялись сооружать загон для кур в сарае и учить детей чесать шерсть. Я, конечно, в этом не участвовала. О чесании шерсти я только знала, что это приходится делать перед прядением, но у сестер неба были навыки.

Я взялась за руководство кухней и тут же отругала себя, что не подумала о мыле. Хотя, обеспечить мылом надолго такую ораву не под силу даже подарку Трикатов. Ладно, хоть бы теплой водой мыть и мыться приучить.

* * *

Через два месяца приют воспрял. На вырученные от пряжи деньги купили еще одно прядильное колесо. Двое мальчишек пошли к красильщикам в подмастерья. Красильня переехала на новое место: угол в ткацкой стал мал, да и ткач решил поставить еще один станок — ткать из крашеной пряжи.

Я научила с нескольких девочек вязать вещи посложнее чулок. Почему-то ни до свитеров, ни до вязаных безрукавок тут еще не додумались, и вязаной резинки не знали. Узор с обычными косами привел их в полный восторг. Заезжий торговец выкупил три безрукавки по золотому за каждую и сообщил, что через месяц придет еще. Золотой — это невероятно много. Это значит, что продавать он будет таким аристократам, как Трикат. Что ж, надо поговорить с сестрами, чтоб откладывали из заработанного девочкам на приданое, и выбирать они смогут вовсе не из батраков. Четыре девочки оказались с ловкими руками и хорошей памятью, и быстро переняли еще несколько схем. В ход пошло все, что я смогла вспомнить: елочки, шишечки, листья, рисунки из лицевой и изнаночной, рельефные узоры... В Колдрок я закупила пачку недорогой бумаги и несколько свинцовых карандашей, зарисовала все, что вспомнила, и научила девочек читать схемы. Я не знала, когда мне придется уезжать, но судя по скорости таяния золотых, надолго задерживаться после того, как пройдут холода, не стоит.

Хоть по местному календарю еще стояла осень, но к ночи прихватывал морозец. Сестры уверенно складывали поленицы дров. В последнюю поездку в Колдрок я снова провернула махинацию с "добычей" золотых у бургомистра и заказала полозья для повозки на зиму.

День, когда детям раздали по ломтю окорока, в приюте стал чуть ли не праздником. Раньше изредка доставалось по крохотному кусочку. Сестры понадеялись, что теперь хотя бы раз в неделю они станут есть мясное. Я отошла за сарай выплакаться.

Я слишком поздно подумала, что такой успех обязательно приманит каких-нибудь тварей, и вовсе не потусторонних. Пока я собиралась в следующий визит поговорить с бургомистром о том, как защитить приют, нас успели взять в оборот.

Услышав крики, я вышла из "взрослого" дома, оставив девочек присматривать за котлом. Их было тринадцать человек: десяток стражников, двое горожан не из простых и напыщенный хлыщ в дорогом камзоле. По выражению лица я сразу поняла, что предстоит бой. — Кто отвечает за это место? — подал голос один из городских.

Сестра Мартия вышла в перед: — Что вам угодно, господа? — Полагаю, вам известно, что эту землю вам дал в пользование лорд Найв. — Разумеется. — Лорд Найв умер. Его имущество унаследовал лорд Бетро, — он обернулся к хлыщу и подобострастно кивнул. — Вам предлагается освободить землю в срок семь дней. Впрочем, вы можете выкупить надел за двадцать золотых. — Неделя? Двадцать золотых? Здесь сироты! Здесь сорок детей! Куда их прикажете?

Поверенный оглянулся на хлыща. — Я думаю, небесные сестры должны задать этот вопрос Добрейшей Матери, — ответил тот с ухмылкой, которую я пожелала стереть с его лица самыми зверскими методами.

Если бы нам дали месяца два, мы могли бы выручить двадцать золотых за вязание, но тогда приют снова стал бы жить впроголодь без надежды на лучшее будущее ближайшие месяцы. Женщины кричали и умоляли, стражники сидели на лошадях как живые статуи, городские морщились, хлыщ улыбался. Вокруг собрались все, весь приют. Лорд Бетро хмыкнул: — Я готов поспособствовать устройству некоторых из ваших подопечных. Мне не мешают новые служанки, особенно такие, способные к ремеслам.

Ах вот оно что! Тварь! Хочет забрать обученных пряж и вязальщиц!

Сестры стыдили его именами Небесных Родителей, что не произвело на него никакого впечатления. Кто-то из детей начал плакать, подхватили остальные. Пора брать дело в свои руки. — Тихо все! — рявкнула я во все горло. Замолчали даже маленькие дети. — Детей внутрь. Патка, вернись к котлу. Вы с ней, — ткнула в помощниц. — Взрослые сами разберутся.

Сестры смотрели на меня странным взглядом. И не скажешь им, что это только кажется, что я такая юная. А на деле я галдящих первокурсников могла уговорить, когда дополнительные лекции объявляла. Я обратилась к городским: — Будьте добры, господа, представьтесь и сообщите, кому вы служите.

Глаза лорда стали злыми, а улыбочка сошла с лица. — Морис Банмрак, поверенный семьи Бетро, — представился первый, перестав кривиться. Кажется, он воспринял меня всерьез после того, как я привела этот хаос к некоторому порядку. — Мейб Трелф, законник маркизата Рамбаух. — Господин Трелф, кому вы подчиняетесь, и какие у вас полномочия? — Младшая сестра, — резко сказал лорд Бетро, — не тратьте наше время, оставьте пустые разговоры. Мы возвращаемся.

Лорд начала поворачивать коня в уверенности, что остальные последуют за ним, но неожиданно законник ответил: — Сестры имеют полное право знать обстоятельства дела. Для этого меня, если вы помните, и прислали. Госпожа, я подчиняюсь маркизу Рамбауху. У меня задание проследить за законностью любой сделки, которую заключает лорд Бетро, и заверить ее магической печатью. — Благодарю вас. Чья это охрана? — Лейтенант Танц, — представился всадник на переднем коне. — Стража маркиза Рамбауха. Призваны проследить за безопасностью всех вверенных нам лиц.

А ведь ни лейтенанту, ни законнику не нравится то, что здесь происходит. Кому хочется пачкать совесть за чужое золото. — Господин Трелф, вы подтверждаете обещание лорда Бетро переписать этот надел на приют? — Да. Если до истечения недели вы заплатите двадцать золотых, земля ваша. — Лорд Бетро, господа, соблаговолите немного подождать.

К черту, к тварям, к демонам. Я выкручусь, а сорок детей накануне зимы не должны остаться без крова и налаженного хозяйства.

Я раздербанила два денежных схрона и достала кошель. Подумав, я переложила печатку из подвешенного под юбкой мешочка в другой кошель с тремя золотыми. Неудобно будет лезть под балахон на людях, а сорок детей стоят того, чтобы раскрыть имя, если понадобится. Я чуюла — понадобится.

Я вернулась, когда лорд выговаривал законнику за задержку. Тот сохранял беспристрастное лицо. — Вот здесь двадцать золотых. Господин Трелф, потрудитесь пересчитать.

Не меняясь в лице Трелф слез с коня и пересчитал деньги. — Все правильно. Золотые настоящие. Для заключения сделки мы должны заехать в магистрат Колдрока, где хранятся карты и списки наделов, чтобы выправить бумаги и заверить границы. — Хорошо, я запрягу повозку. Сестра Мартия, вы глава приюта, мы едем вместе.

У лорда Бетро что-то случилось с лицом — жадность боролась с попранной гордостью. — Позвольте, я помогу, — лейтенант слез с коня и пошел за мной. Кажется, меня хотят о чем-то предупредить.

Мы возились с упряжью, когда лейтенант сказал: — Наследство совсем небольшое, и Бетро будет драться за каждый золотой. — Но что он может сделать? — Отдать мне приказ проводить законника к бургомистру вперед вас, чтобы подготовить сделку. А тем временем они с Банмраком отнимут у вас деньги. Будет ваше слово против его слова, что вы передумали. Если же вы начнете сопротивляться, он привлечет вас за нападение на аристократа, и вы еще останетесь должной. Буду честным, две женщины против двух мужчин — я бы не рассчитывал на

благородство. — Эй, что вы там возитесь? — крикнул Бетро. — Погодите, милорд, скоро закончим! — ответил лейтенант. — Лейтенант, может ли титулованный аристократ отменить приказ Бетро? — Да, но он единственный здесь... — лейтенант глянул на меня с внезапной догадкой. — Твари. Но вам придется представить такие доказательства, чтоб Трелф мог подтвердить. — Представлю.

Добрейшая Мать и Великий Отец, если вы, действительно, есть в этом мире. Неужели вам так хочется отдать меня в руки лорда Торка?

Покорившись неизбежному я вытащила из-под кровати свои тюки и уложила в повозку. На вопросительные взгляды я только дернула плечом — так надо.

Это случилось на полдороги между приютом и окраиной Колдрока в низине между невысоких пологих холмов, на которых паслись овцы, и кроме них свидетелей вокруг не было.

Бетро придержал коня. — Господин Трелф, лейтенант, я думаю, вам со стражниками стоит поехать вперед в Колдрок, чтоб подготовить бумаги по сделке, пока повозка уважаемых сестер доедет до города. — А вы? — удивился Трелф. — Мы с Банмраком сопроводим сестер. — Милорд, я бы предпочел добраться всем вместе или хотя бы оставить с вами половину отряда стражников. — Вы слышали мое пожелание, господин, — с нажимом произнес лорд.

Что ж. Последний вдох и выдох свободной жизни. — Я отменяю ваш приказ, лорд Бетро. Мы доедем все вместе. — Младшая сестра, — ласково улыбнулся тот. — У вас нет права отменять мои приказы. Вы, наверно, запамятовали, что я единственный благородный человек в этой компании. — Не единственный, — процедила я.

Капитан остановился, и остальные последовали его примеру. — Вот как? — приподнял бровь Бетро. — Прошу прощения, я уважаю небесных сестер, но вашего слова недостаточно.

Я вынула печатку, надев ее на палец, хоть она и свободно болталась. Сжав пальцы в кулак, чтоб ее было невозможно быстро стянуть, я протянула ее Бетро. Трелф подъехал первым: — Это настоящая печать баронов Лизтоков. — Кивнул он и посмотрел на меня вопросительно.

Я провела пальцем по гербу, и тот засветился. — Баронесса Агата Лизток, я полагаю? — широко ухмыльнулся Бетро. — Угадали, лорд Бетро. А теперь соблаговолите доехать с нами вместе со стражей до Колдрока и заключить сделку.

Поверенный и лорд переглянулись. Лейтенант помрачнел. Трелф дернул уголком рта и едва заметно покачал головой. Да, знаю, знаю, господа, эти двое меня сдадут, едва получают деньги, но сорок детей, выкинутых на мороз — слишком большая цена за сохранение инкогнито.

Доехали в молчании. Удивленный бургомистр долго возился в архивной комнате, и наконец, принес бумаги. Я верила, что Трелф проследит, чтобы все прошло по закону. Когда понадобились свидетели, я вызвалась, назвав свое имя, от чего у бургомистра полезли глаза на лоб. Я пожалала плечами — ну да, я это, что поделать. — Сестра Мартия, при свидетелях передаю приюту в собственность лошадь и повозку. — Но... почему? — удивилась сестра. — Потому что леди Лизток знает, что они ей больше не понадобятся, — широко улыбаясь заявил лорд Бетро. — Нехорошо заставлять Его Величество беспокоиться, баронесса. Но я возьму на себя труд препроводить вас к маркизу Рамбауху. Лейтенант, Его Величество приказал доставить эту леди к нему, невзирая на ее сопротивление. Выполняйте приказ. — Тогда вам стоит побеспокоиться о карете, лорд Бетро. Вы же не думаете, что повезете меня верхом? — вступила я в разговор. — Если понадобится... — начал лорд, но лейтенант его оборвал. — Разумеется. Лорд Бетро, как взявший на себя ответственность за ваше путешествие, найдет подобающий баронессе экипаж.

Бетро зло глянул на него, но ничего не сказал.

Бетро искал карету три дня. Возможно, съездил за ней к маркизу. Лейтенант отказывался двигаться с места со мной, пока мне не обеспечат условия, полагающиеся высокородной леди. Я думала, а не потребовать ли мне камеристку, потом решила, что соглядатай Бетро в карете мне ни к чему. Все эти дни я провела в гостевой комнате дома бургомистра. Один из стражников дежурил у входа, другой — в гостиной, третий — у черного хода. Лейтенант не горел желанием выполнять приказ лорда, но его поверенный остался следить за тем, чтобы все было сделано как положено, и навещал меня по три раза на дню. В первый же день жена бургомистра пришла ко мне с предложением устроить побег. Меня могли переодеть в парня, помочь выбраться из окна, дать лошадь, а дальше я свободна. Я отказалась. Во-первых, моя фигура никого не обманет. Во-вторых, я плохо умела держаться на лошади. Аристократок этому не учат, и мое неумение было понятно. Я несколько раз пробовала поехать на коне в приюте, но далеко я не уеду. Парень из меня получится слишком приметный, и меня сдадут, стоит лорду порасспрашивать в селениях. Сейчас я под охраной лейтенанта и Трелфа. Оставаться один на один с Бетро и его подручным я не желала. Ну а в-третьих я просто не хотела доставлять неприятностей хорошим людям, которых неизбежно обвинят в моем побеге.

А может стать, я просто смирилась. Чему быть, того не миновать. Я бы выпила "чекулата", но таких диковинок, как шоколад, в Колдрок не водилось.

Но мысль о доморощенной фармакологии навела меня на идею. Я спросила у жены бургомистра, есть ли в Колдрок лавка с женскими ухищрениями для красоты. — О, леди Лизток, увы и ах, я так страдаю! Нет, здесь ничего нет, что пристало бы благородному сословию. Приходится ездить в большой город. Кое-что держит аптекарь, но лишь для горожанок попроще и селянок. Вам нужно что-то особенное? Может быть, найдется в моем будуаре. — Да, я собираюсь подготовиться к встрече с будущим супругом. — Я внимательно посмотрела на леди и решила. — Думаю, пузырек беладонны мне бы пригодился. — О... вы уверены? Все настолько... м... требует вмешательств? — кажется, леди слегка сбледнула с лица. — Возможно. — У меня есть беладонна, но прошу вас, убедитесь сначала, что это, действительно, необходимо. — Разумеется. Красота — страшное оружие, и нужно ее умело и вовремя применять.

Мы друг друга поняли, и к отъезду из Колдрока у меня в вещах лежал маленький пузырек.

Я ехала в городском платье и осенней пелерине. Купить зимнюю одежду я не успела, спасаясь в приюте тяжелой работой и куском шерсти, который сестры повязывали поверх балахонов. Овчиных полушубков для взрослых у них было всего два, их берегли. В карете нашелся плед, я заворачивалась в него по утрам и по вечерам, и было достаточно тепло, чтобы смотреть в окно и ни о чем не думать.

Я впала в апатию. Слишком много на меня навалилось: другой мир, бегство, жизнь "под прикрытием", новое бегство, снова жизнь "под прикрытием", спасение приюта, и теперь неотвратимо надвигается брак с распутником, пьяницей и садистом. Наверное, когда он умрет от беладонны, меня раскусят и казнят. Но сейчас у меня эта мысль уже не вызывала никаких чувств. Может быть, Небесные Родители для того меня и призвали в тело Агаты, чтобы убрать этого мерзавца моими руками. Не могут они ему падение с коня в пьяном виде устроить, что ли...

Карета ехала быстрее обоза, и уже через два дня меня привезли к маркизу. Тот равнодушно оглядел меня и потребовал доказательств, что я — это я. Мелькнула мысль, что можно было избавиться от перстня. Но рядом стоял Бетро с кривой ухмылкой, и мне не хотелось оказаться с ним без защиты. Я надела перстень и приложила палец. — Хорошо, — кивнул маркиз. — Проведите ее в апартаменты для особых гостей. А вы, Бетро, скройтесь с моих глаз. Если бы вас сопровождал кто-нибудь другой, а не лейтенант Танц, я бы приказал вас высечь за риск для чести леди. О чем вы думали, Бетро, когда везли женщину одну в окружении мужчин? Вы не могли найти компаньонки?

Дальше я не слышала, меня увели в "апартаменты для особых гостей". Интересно, это в тюрьму?

Почти. Это была обычная спальня, только на окнах стояли решетки, а дверь заперли снаружи. Куда мне бежать? Я разделась и вымылась в "ванной". Переодевшись, я вытащила из одежды оставшиеся золотые. Вовремя — пришла горничная и попросила одежду в стирку. Уже когда она все унесла, я спохватилась, что вместе с платьями отдала панталоны, но тут же махнула рукой. Пусть думают, что хотят.

Назавтра мне принесли выстиранные вещи, и горничная смущенно сказала: — Мы могли перепутать. В белье оказались чьи-то белые штаны. — Это мои, называется панталоны, — кивнула я, — Их носят под юбки для тепла и удобства.

Раскладывая белье, девушка умирала от любопытства, и я разрешила ей рассмотреть диковинку. — А если кто узнает? — Кто? Кто будет юбки заирать? Так пусть удивится, — фыркнула я.

Горничная хихикнула. Интересно, будут сплетничать или шить панталоны? Или и то, и другое?

Я провела в этой комнате весь день. Еду мне приносили сюда же. Кажется, маркиз вовсе не желал

разговаривать с опальной баронессой. Наутро мне объявили, что я уезжаю к жениху.

Ко мне посадили некую пожилую леди, которая неразборчиво представилась и всю дорогу дремала или смотрела в окно, что-то бормоча себе под нос. Сопровождал нас лейтенант Танц и его люди. На постоялом дворе, заводя меня в комнату Танц тихо пробормотал: — Леди, если вы желаете, я мог бы рискнуть... — Не надо, лейтенант, благодарю вас. Доставьте меня к жениху в целости и сохранности. Это лучшее, что вы можете сделать.

Глядя на проплывающие пустые поля и темные леса я перебирала воспоминания о своей недолгой жизни в этом мире. Какой из дней я могла бы посчитать лучшим? День, когда дети в приюте впервые съели кусок ветчины, был приправлен горькой радостью. Бал? Я позволила себе забыть о горестях всего на вечер, за что поплатилась. Но от того дня, когда я порхала по паркету, я бы ни за что не отказалась.

Я вспоминала свой единственный поцелуй в теле Агаты, и внутри что-то заныло. Я достаточно значимая фигура, и в Броке мы наверняка остановимся у бургомистра. Трикаты, разумеются удивятся. Я надеюсь, что удастся убедить их раскрыть мне имя лорда Вепря и передать ему весточку, если он еще не забыл Сапфировую бабочку. Да, я дам второй жизни этот шанс. Может статься, что лорд Вепрь согласится с моим условием: мы поженимся, только если уедем из этого королевства сразу после ритуала. Хандра с меня слетела, я вспоминала наш танец, я даже позволила себе попробовать дорисовать черты его лица в воображении... Получался писанный красавчик. А как он целовался... Агата, ты и впрямь заскучала, если решила придумать себе героя-любовника и втюриться в него по уши.

Но все-таки поговорить с ним стоит.

Вечером я спросила у лейтенанта, когда мы доедем до Брока. — Брок? Он остался в стороне, миледи. Брок на юг от замка маркиза, а Желтый Клык на юго-восток. — Желтый Клык? — Замок графа Торка. — Как далеко отсюда Брок? — Прямой дороги нет. Нужно возвращаться на север, и потом поворачивать на запад. Для верхового это день пути, если конь хороший, и седок хорошо держится в седле. Тракт на юге проходит через земли Торков, но мы его проедем завтра в середине дня. К вечеру мы уже будем в замке. — Благодарю, — пробормотала я и ушла, совершенно удрученная.

Я плохо держусь в седле и скачки весь день не выдержу. Даже если лейтенант мне поможет, я не доеду до Брока, а ночевать в лесу в одиночку опасно. И никто не даст гарантий, что бургомистр поможет мне найти Вепря, а не отправит снова к королю. Слишком высоко он взлетел, чтоб рисковать.

* * *

Утром я попросила лейтенанта сделать привал, когда станет хорошо виден Желтый Клык. Лейтенант выполнил мою просьбу. В закатных красках замок смотрелся совершенно сказочно. Увы, у сказки будет страшный конец. Я размяла ноги, посмотрела на небо, где перистые облака окрашивались в розовый цвет, и кивнула, что готова.

Мы подъехали к входу в донжон, но я оставалась в карете. Кажется, мне должны открыть дверь и помочь выйти. Ожидание затягивалось. Я рассматривала замок из окна кареты: большой, пять этажей в донжоне, по три в башнях, и похоже, что его достраивали и обновляли. Окна явно расширены позже, когда времена междоусобиц прошли, и замку больше не приходилось выдерживать осаду. А вот высокая дубовая входная дверь с полукруглым верхом, укрепленная полосами железа, будто помнила прошлое, как вражеские рыцари штурмовали последний оплот, а хозяева отбивали атаки в ожидании помощи. Над входом висел гебр Торков — синяя кабанья голова с желтым клыком на серебряном фоне. Вокруг темнели голые клумбы с остатками увядших цветов — наверняка летом здесь красиво. Удастся ли мне это увидеть?

У ворот, через которые мы въехали в замок, и на стене над воротами стояли солдаты гарнизона в темно-синих мундирах — наверняка это основной цвет Торков. А у дверей донжона стояли два солдата в алых мундирах с аксельбантами и золотым шитьем по вороту. Я напрягла память. Алый — цвет королевского двора, а шитье говорит само за себя.

Наконец, из замка выбежало несколько слуг, а за ними вышел некий господин. Он ничуть не напоминал того лорда Торка, которого я видела в таверне и на площади с кнутом. Этот господин был низок, тучен и с лысиной, и следом за ним вышли еще двое военных в красном. Никого, похожего на лорда, вокруг не было.

Мне открыли дверь, лейтенант подал руку и помог выйти наружу. Следом вывели мою компаньонку. Я ждала. Низенький господин подбежал ко мне. — Леди Агата, наконец-то. Ох и заставили вы нас поволноваться. Но ничего, ничего. Его Величество, как только получил весть от маркиза, распорядился готовиться к свадьбе. Королевский двор уже должен был остановиться в Весеннем дворце. — Сейчас осень, — лягнула я.

Но господина это ничуть не смутило. Он рассмеялся: — А вы шутница, леди Агата. Это хорошо, Его Сиятельство любит веселых девушек.

Но еще больше он любит веселых девиц, я уже в курсе — подумала я, а вслух сказала: — Я не вижу здесь Его Сиятельства. — Последние недели он редко появлялся в Желтом Клыке. Его Величество распорядился, чтобы он заезжал сюда хотя бы раз в две недели на случай, если вас найдут. Мы ждем его через неделю. Пожалуйста внутрь,

ваши вещи отнесут в гостевые апартаменты.

Интересно, лорд Торк запрет меня в башне? или я смогу ходить по этим коридорам? Мы поднялись на второй этаж, свернули вправо, прошли по длинному коридору, такому длинному, что я уже не думала, что он когда-нибудь закончится, пока не поняла, что мы идем внутри крепостной стены. Мы поднялись по винтовой лестнице, которая вела в... люк? Наверху оказалась круглая комната. Точно, меня посадят под замок в башне. Со всех сторон были маленькие сводчатые окна, в которые лился вечерний свет. Со всех, кроме одной — похоже, там "ванная". Да, это еще одни апартаменты для особых гостей — сквозь окошко не пролезет даже пятилетний ребенок, а люк они наверняка запрут.

Господин, который шел со мной, не представился — судя по всему, Агата должна была его хорошо знать. Человек графа? Нет, судя по тому, как он распоряжался королевской гвардией, это подручный короля. Интересно, вдруг граф сбежал? О, вот это было бы удачей. — Позже придет камеристка, принесет ужин, она же поможет вам подготовиться ко сну. Отдыхайте, леди Агата. Должен предупредить, что для вашего спокойствия внизу будет стоять охранник.

Да-да, конечно, для моего спокойствия.

В "ванной" стояли две небольшие бочки, и вода в обеих была холодной. Одна бочка была странной, я таких кованых обручей и внутри, и снаружи не видела. Придется ждать горничную. Вскоре появилась молоденькая девушка, осторожно поднимаясь с подносом через люк. Я не выдержала и взяла у нее ношу, позволяя опереться хотя бы одной рукой. — Благодарю, леди, вы так добры! Я Пита. Меня обучили на камеристку для будущей леди Торк. Когда вы закончите с едой, я помогу вам подготовиться ко сну. — Пита, спасибо, но я предпочту провести этот вечер в одиночестве. Только вода в бочке холодная. — Так там же артефакт! Во всех омывальных комнатах замка стоят артефакты, даже в омывальне для слуг! Сейчас я вам покажу.

С обратной стороны на бочке была загогулина, которая болталась на одной клепке. Девушка повернула ее и вставила в паз. Обручи засветились примерно как печатка баронессы, когда я проводила пальцем. — Все, через четверть часа вода будет теплой, а еще через четверть очень горячей! Но если нужно похолоднее, вторая бочка обыкновенная, там холодная вода. — Спасибо, Пита, можешь идти.

Я вымыла руки, съела половину довольно вкусного рагу и приоткрыла люк. — Эй, стражник? — Да, миледи? — парень в красном взбежал по лестнице до люка и смотрел на меня снизу вверх. — Заберите посуду и скажите, чтоб до утра меня не тревожили.

Склонившись в люк, я отдала обалдевшему мужчине поднос. Пусть хоть какая-то польза от охранника будет. Похоже, графским людям не доверяют, и меня охраняют гвардейцы короля.

Я подтащила кресло на люк, возрузила на него тумбочку, вымылась в лохани, заплела мокрые волосы в косу, переделась в ночную сорочку и легла спать. Кровать оказалась удобнее чем все, на которых я до того спала. Если граф, действительно, запрет меня в этой башне, хоть какое-то утешение будет. Главное, чтоб он сам на эту кровать не претендовал.

При мысли о возможной брачной ночи моя апатия пошатнулась, и настроение ухнуло вниз. Доведут они меня, что это мне придется лечиться "чекулатом". Разорю графа на шоколаде.

Я долго лежала в темноте, обдумывая ситуацию. Как говорится, даже если вас проглотили, у вас есть, по крайней мере, два выхода. Я нашла целых три.

Выход первый: подлить графу беладонну. Побочный эффект: меня могут казнить.

Выход второй: написать Трикатам, что я вышла замуж, и теперь исключительно из любопытства мне хотелось бы знать, кто такой лорд Вепрь, на которого я произвела впечатление. Побочные эффекты: какое-то время мне придется терпеть графа, а будет ли мне достаточно симпатичен лорд Вепрь, еще непонятно. И совершенно неясно, не остыл ли он к леди Бабочке. Кроме того, бежать с любовником — это так пошло.

Выход третий: уехать к ближайшей границе на юге самой, но на подготовку побега у меня уйдет самое малое полгода, и зиму мне придется пережить с графом. А если я за это время забеременею... С контрацепцией у них тут туго. Знахарки заваривают какие-то травки, но насколько они помогают, я не выяснила.

При мысли о том, что меня коснется та пьянь из таверны, меня передернуло.

Похоже, все надежды на беладонну и неразвитость криминалистики.

Добрейшая Мать, неужели нет других путей?

С этой мыслью я уснула.

Утром снова оценила местный способ мытья, оделась и сняла мебель с люка. Мне трижды приносили еду, но я едва притронулась к блюдам. Этот день я провела, рассматривая пейзаж из окон башни и валяясь на кровати, глядя в потолок. Спешить было некуда, спешить было незачем. Моя жизнь замерла на краю бездны, и я готовилась рухнуть вниз. Вечером я снова воздвигла баррикаду на крышке. Если и срываться с края, то хоть бодрствуя и в полной готовности. Они не застанут меня врасплох.

Проснувшись я от попыток открыть люк, которые сопровождались стуком и криками. — Кто собирается войти в мою спальню? Я не разрешала! — Леди Агата, леди Агата, это Пита! Мне приказали вас разбудить! Граф вернулся! Пожалуйста, впустите меня, мне нужно подготовить вас к свадьбе! — Через четверть часа, — просипела я и упала на кровать лицом в подушку.

Нет! Нет! Я не готова! Я еще не придумала, как найти Вепря! Я еще не решила, как бежать! Я еще не собралась с духом, чтоб подлить графу беладонну!

Поколотив подушку и вымочив ее слезами я быстро ополоснулась, натянула штаны и нижнее платье, оттащила мебель и откинула крышку люка.

Красномундирные исчезли, но на ступеньках собрался целый отряд служанок. Две из них держали темносинее облако. — Что это? — Ваше свадебное платье, леди. — Скажите, как вы собираетесь протаскивать его в люк?

Внизу воцарилось молчание. — Пита и... — как же к ним обращаться? — я пока не знаю ваших имен. Найдите комнату с обычной дверью, где вы можете подготовить меня к... — тут у меня перехватило горло, но девушки, гомоня, скатились по лестнице.

А я пока натянула свое обычное серое платье. Не ходить же по замку неглиже.

Меня снова провели по коридору внутри стены и завели в какую-то небольшую комнату, которая была обставлена как гостиная. Наверное, это она и есть. На софе было разложено темно-синее платье с жаккардовыми вставками спереди, где переплетались цветы с вышивкой золотой нитью. Красиво. Если не думать, зачем на меня его надевают. — Почему темно-синее? — задалась я вопросом вслух. — Свадебное платье должно быть в одном из цветов рода жениха. Женщины входят в род Торков в темно-синем. И, знаете, я думаю и хорошо, — тараторила Пита, — желтый не всем идет.

Девушки закрыли дверь по моему настоянию подперев ее креслом, и я сняла платье. — Леди Агата, нижнее тоже надо снять. У этого платья вырез другой, под него свое нижнее есть, оно и тоньше, и нежнее.

Мне продемонстрировали белое облако, и я потянулась к завязкам нижнего платья. Когда я его стянула, вокруг раздался дружный "ах". — Леди Агата, вы ехали под охраной. Неужели было так опасно, что вы поддели штаны? — Нет, это новая мода, такое белье. Называется штаны. Они для тепла и для удобства.

Девушки зашущукались, что, впрочем, не помешало им натянуть на меня нижнее платье из тонкого шелка и усадить укладывать волосы.

Всё заняло какой-то час. Пита восхищалась волнистостью моих волос, и как чудесно они будут смотреться в причёске. Волосы украсили диадемой с желтыми камнями. — Что это за камни? — Бриллианты. Очень редкие! Но Торки не поскупились, это второй родовой цвет.

В шесть рук на меня опустили синее платье, привязали рукава, надели ожерелье с теми же камнями и серьги. Девушки расступились, и это был знак встать. — Здесь нет зеркала? Мне нужно зеркало.

Девушки принялись переглядываться, и одна из них сорвалась с места, отодвинула кресло и выбежала в коридор. Вскоре она вернулась с двумя парнями в одежде слуг, которые тащили круглое зеркало в ажурной раме. Парни, похоже, собирались изображать подставку, но я попросила водрузить его на софу.

Агата выглядела в этом наряде как взрослая. Как взрослая бледная немочь. — Нет ли в замке красок для лица?

Даже если я готовлюсь отравить мужа и отправиться на казнь, это не повод приходить на собственную свадьбу бесцветной молью.

Девушки отреагировали так, будто я спросила что-то постыдное. Хм. Я не видела здесь накрашенных простолоудинок, только аристократок. Нет, не верю, чтоб женщины добровольно отказались от украшательства. — Когда я стану хозяйкой этого замка, я разрешу вам украшаться на праздники по вашему вкусу. Сейчас мне очень нужны краски.

Служанки зашущукались, я уловила только "под матрасом у головы" и "внутри серой шали", и две из них убежали.

От белил я снова отказалась. Помню, помню, из чего их делали. Слегка тронула ресницы и брови, подкрасила кожу под бровями, нанесла каплю краски на губы. Пожалуй, хватит. Сейчас непонятно, то ли Агата накрасилась, то ли выпалась и отдохнула.

Я поблагодарила девушек и объявила, что готова. Мне принесли лисью шубку и коробку со множеством

туфелек. — Сейчас осень, — удивилась я. — Дорожку до кареты расчистили, а в карете укроете ноги пледом. Прошу вас, иначе король разгневется.

Пришлось сесть и подставить ноги. На меня натянули белые шелковые чулки и принялись мерить туфели. Я выбрала пару из золотой парчи с низким каблучком раструбом, довольно закрытые, которые неплохо сели по ноге.

Накинув шубку, я прошествовала к выходу внутри кольца стражников. Они думают, что я куда-нибудь удеру в пышном платье и в парчовых туфлях на каблуках?

Человек короля, который встретил меня в первый день, сладко улыбаясь довел меня до кареты. — Где же Его Сиятельство? — поинтересовалась я. — Гвардейцы Его Величества уже должны были доста... то есть, сопроводить его в Весенний дворец. Полагаю, граф Торк уже там.

Кажется, дамы на балу были правы. Мой жених тоже совершенно не горит желанием жениться на Агате. У меня забрезжила слабая надежда договориться с графом о том, что я не трогаю его, он не трогает меня. Хоть то, что я о нем слышала, да и то, каким я его видела, делало эту надежду совсем-совсем крошечной.

Дверь кареты захлопнули за мной как крышку гроба. Я осталась одна. От компаньонки меня, к счастью, избавили.

Ехали мы быстро, карету немилосердно подбрасывало на дороге, и я прокляла всех королей, графов и баронов до десятого колена в обе стороны. Часа через три немилосердной тряски карета покатила по брусчатке, что подсказывало — мы близки к цели.

Весенний дворец был сложен из светлого камня и украшен буколическими изваяниями. Под охраной из четверых стражников я поднялась по широкой и очень длинной лестнице, передо мной распахнули резные двери, потом еще одни, и через несколько шагов я уперлась взглядом в улыбающегося человека в немилосердно изуродованном золотым шитьем камзоле. Кажется, перед королями приседают. Я не была готова умереть прямо сейчас, поэтому сделала реверанс и слегка склонила голову. — Рад, рад, баронесса, что вы проявили благоразумие, наконец, — несмотря на улыбку, казалось, что король рычит. — Вам выпала большая честь, я сам поведу вас к чаше. — Благодарю вас, Ваше Величество, — выдавила я тоном, который больше подходит к "чтоб ты сдох". — Затем вы с мужем направитесь в Желтый Клык, и я желаю, баронесса, чтоб вы были примерной женой безо всяких ваших штучек. Я был слишком снисходителен вам, но и вы, и граф долго испытывали мое терпение.

Король повернулся и пошел быстрым шагом. Мне оставалось только стараться не отстать. Стража бежала рядом.

От свадьбы не отвертеться. Сейчас меня передадут в руки жестокого алкоголика. Я лихорадочно перебирала варианты действий. Свадебного пира нам не видать, король намекнул, что он слишком нами недоволен. Но ужин в замке ведь будет? Может, попробовать подлить графу беладонну за ужином? Но здесь принято садиться далеко друг от друга. Попросить прислугу принести вино ко мне в спальню и предложить выпить, чтоб лучше познакомиться? Боюсь, со стороны религиозной Агаты это будет выглядеть странно. Попроситься в кухню, чтоб собственноручно приготовить для мужа отвар? В первый вечер это будет выглядеть неуместно.

Я остановилась на том, что за ужином подолью яд в свой бокал, пожалуй, что вино горчит и попрошу графа попробовать. Авось он хлебнет столько, что хватит. Если же нет, он дорого заплатит мне за насилие.

Через тысячу поворотов мы пришли к высоким дверям, которые перед нам услужливо распахнули. Кто-то снял с меня шубку. — Ваш жених ждет вас, — не скрывая издевательского тона сказал Его Треклятое Величество и подал мне локоть и торжественно повел меня через зал храма.

Мы шли долго. Мы шли долго. Мы шли очень долго. Я бы еще дольше походила, но увы, всем дорогам есть конец, и меня поставили рядом с графом Торком. Вертеть головой было неприлично. Предполагалось, что я знала графа, поэтому я только скосила глаза. Кудри были подстрижены и причесаны, борода исчезла, больше я ничего не смогла рассмотреть.

Ритуал был нудным, как все ритуалы. В положенный момент граф произнес "Да". Я подумала: а что будет, если я скажу "Нет"? осознала, что ничего хорошего, и тоже согласилась.

Я не сразу поняла, что я должна делать, когда храмовник произнес "смешайте кровь" и подал графу кинжал. Граф полоснул по своему пальцу и подкрасил воду несколькими каплями крови, после чего протянул мне открытую ладонь. Слегка замешкавшись, я вложила в нее свою руку. Граф ее перевернул, быстро уколол палец и выдавил в чашку с водой несколько капель. Чашка затряслась, по воде пошла рябь, вода приняла ровный розоватый цвет и засветилась. — Свершилось!

Граф все еще держал мою руку, запястье зазудело, и проявился нежно-голубой рисунок переплетенных цветов. Запястье графа украсилось тем же орнаментом. — Закрепите брак!

Граф развернул меня и поднял лицо за подбородок, и я, наконец, его увидела. Мой новоиспеченный муж успокаивающе улыбался, и в моей голове пронеслись смерчем три мысли.

Первая: он красив. Этого не было видно, когда он в таверне, в скудном освещении, пьяный, красный и с растрепанной бородой сидел вдали от меня, тем более, не видно было издали на площади, когда я больше смотрела

на кнут, чем на него, но сейчас я вижу, что граф красив. Сегодня он был чисто выбрит.

Вторая: он почему-то совсем на меня не злится. В его улыбке было что-то сочувствующее.

Я попыталась отшатнуться, но лорд поймал меня и быстро поцеловал. Даже колени подкоситься не успели.

А могли.

Потому что — и это была третья мысль — твари потусторонние! черт вас всех побери! Кажется... кажется... я уже видела эту улыбку!

В полном потрясении я позволила вывести себя из часовни и усадить в карету. В экипаже я снова была одна, графу подвели коня. Я присмотрелась к тому, как он двигается. И его рост... Попыталась расслышать голос — похож!

Я откинулась на подушки и схватилась за голову. Кусочки головоломки будто ложились в правильном порядке.

Герб рода Торков — кабан, то есть, вепрь. Знала бы я об этом раньше!

Трикаты сказали, что у Вепря есть титул, и что брак Вепря с госпожой Агнес принесет беды и ему, и им, и самой Агнес. Разумеется, ведь место леди Торк было уготовано Агате, и король разозлился бы на тех, кто посмел ему помешать. Могу предположить, что любую другую жену Торка король приказал бы убить.

Мог ли граф улизнуть от поисков Агаты на юге и отправиться на север, в Брок? Исходя из того, что я про него знаю — конечно.

Агата, ты влипла.

Назад ехали медленнее и дольше. Голова кружилась от противоречивых сведений и еще больше — от страха перед неизвестностью. Устав от того и от другого я провалилась в дрему.

В вечерних сумерках меня разбудили и попросили освободить... то есть, опереться на руку, которую мне подал граф, и выйти наружу.

Все еще обалдевшая и сонная я снова шла в замок. Скоро ли лорд Вепрь меня узнает? И чем объяснить, что религиозная Агата превратилась в задорно порхающую Бабочку?

Граф помог мне выйти из кареты и завел внутрь замка. Что ж, по крайней мере, он трезв, хотя наверняка наберется за ужином.

Но на балу у Трикатов было достаточно вина, и некоторые лорды употребили его сверх меры. Вепрь же пьяным не был. Странно.

Рука об руку со мной граф поднялся на половину лестницы и развернул нас назад, лицом к подножию, где собрались слуги. Одна женщина была в строгом платье, похожем на те, что я носила в Брое. Еще один мужчина облачился в серый камзол. Остальные — в одежде, похожей на крестьянскую, только опрятнее и одного цвета. — Представляю вам жену мою графиню Торк. Почитайте ее как свою хозяйку и как меня самого.

Служанки сделали реверанс, слуги склонили головы, и по знаку мужчины в камзоле все разошлись, кроме женщины в сером платье и него самого. Граф представил их как экономку и дворецкого. — Готовы ли апартаменты для Ее Сиятельства? — Да, милорд, готовы. — Прошу вас, леди Агата, — граф указал вверх по лестнице. Экономка пошла первой, показывая путь, я за ней, граф поднимался следом.

Мы поднялись на третий этаж. Экономка распахнула двери и провела меня внутрь огромной комнаты, отделанной панелями темного дерева по низу и изумрудными шелковыми обоями по верху. В одну из стен вделан большой камин. Комната была полна резной мебели в цвет панелей: кушетка у окна, столик с креслами вокруг, еще один столик с письменными принадлежностями и сооружением из ящичков у другого окна, ростовое зеркало на ножках, комод с зеркалом поменьше, а в глубине огромная кровать с балдахином и занавесями, и рядом с ней еще одна дверь... в покои мужа? У меня внутри все похолодело. Спокойно, Агата, еще ужин впереди!

За спиной раздался голос лорда: — Благодарю, госпожа Маргарита. А теперь оставьте нас. — Но, милорд, Ее Светлости нужно привести себя в порядок.

Я обернулась и увидела, что граф смотрит на экономку, приподняв бровь. Та кинула на меня виноватый взгляд, присела, склонив голову, и вышла за дверь.

Меня начала бить дрожь. Неужели он настолько охоч до женского тела, что решил не откладывать брачную ночь до ночи? Но как же я доберусь до пузырька, и как я заставлю его выпить яд!

Муж улыбнулся, напомнив о маскараде.

Поить ядом лорда Вепря? Я едва не застонала в голос от противоречивых чувств.

Граф с улыбкой смотрел на меня. — Агата, перестаньте так дрожать. Я не такое чудовище, как вам могли рассказывать. — Лорд Торк... — Арден. Зовите меня Арден. Я все-таки ваш муж. — Арден, — слово далось с трудом. — Я не хотела этого брака, и... — Знаю, — оборвал меня граф. — Но от приказа Его Величества не удалось избавиться ни вам с вашим побегом, ни мне моими стараниями. Поэтому мы женаты, и с этим ничего не поделаешь. Тем не менее, как я уже говорил, я не такое чудовище, как вы себе представляете.

Он сделал паузу и оглядел меня, остановившись взглядом на губах, которые я не могла перестать кусать, и на пальцах, которые я сцепила в замок добела. — Я не трону вас, пока вы не будете к этому готовы. Если... будете готовы. Для вашего спокойствия на обеих дверях прочные засовы.

Что? Кажется, я потеряла дар речи. — Отдыхайте. Ужин вам принесут в вашу комнату.

С этими словами он вышел за дверь.

Пораженная, я продолжала стоять, пока не раздался робкий стук в дверь.

Уже знакомая мне Пита показала мне незаметную дверь в "ванную", где стояли бочки, одна с магическим нагревающим артефактом, и "ночная ваза". Следующей была гардеробная с вещами, которые загодя доставили от моего опекуна, моими узлами, которые приехали со мной из приюта, и платьями, по словам камеристки, пошитыми к свадьбе велением графа. Эти наряды отличались от того, что обычно носила Агата, они были более богатыми, из цветных тканей. Я опознала шелк, парчу, бархат — граф не скупился.

Зачем все это графу Торку?

Девушка предложила вымыть и переодеть меня. Я лишь попросила помощи в избавлении от платья. Я не леди, я привыкла ухаживать за собой сама. Только, пожалуй, со здешними прическами я не справлюсь. Пита достала платье из сливового муслина и свежую сорочку из тонкого полотна — похожие носила дома леди Трикат, когда не собиралась никого принимать. По моей просьбе камеристка удалилась, кинув на меня удивленный взгляд.

Я вымылась и оделась. Мне принесли ужин, но я едва съела половину. Камеристка с горничной собирались облачить меня в ночную сорочку, отличавшуюся от остальных открытостью плеч, тонкими лямками и кружевом по подолу. Интересно, граф надеялся на брачную ночь? Впрочем, наверняка он не сам занимался женскими тряпками. Дал задание той же экономке, а она постаралась, чтоб товар выглядел пристойно в праздничной обертке. Ладно, не буду удивлять прислугу, хватит уже и того, что я попираю все каноны, одеваясь самостоятельно.

Сорочка, действительно, выглядела интересно. Я покрутилась в ней перед зеркалом, заплела косу и снова покрутилась, погасила все свечи, кроме одной в переносном подсвечнике, и задумалась, посидеть ли у окна или ложиться спать.

В дверь, которая вела в коридор, постучали. Пита? Другая служанка? Мне не хотелось принимать кого-то чужого в ночной сорочке. Кажется, в гардеробной я видела широкую шаль. Я накинула ее на плечи, подошла к двери и отодвинула засов.

Одну из вошедших я знала — экономка. Вторая была в косынке и переднике, о которой беспрестанно вытирала натруженные руки. — С кем имею честь? — Это повариха, госпожа Гертруда, — представила экономка вторую женщину.

Я кивнула и вопросительно посмотрела на обеих. Интересно, с чем они пожаловали. Но женщины мялись. — Госпожа Маргарита, госпожа Гертруда, вы пришли с каким-то вопросом? — Нет, с просьбой, — выдавила из себя Гертруда. — Леди Торк, я понимаю, у нас разное положение, вы леди, графиня, а я вот... при кухне... Но лорд вырос у меня на руках. Я хочу сказать... — Госпожа Гертруда была кормилицей лорда, — пояснила экономка. — Да, и вот... мы все очень переживаем за лорда. Нас тут много, кто еще его батюшке неженатому служил, и кто пришел, когда лорд еще пешком под стол ходил. Он очень добрый к людям, лорд Торк. Про него столичные бездельники слухи распускают, завидуют ему, что и графство богатое, и сам хорош собой, и люди его любят, а пусть сами заслужат, а не завидуют, а они нет, слухи распускают, король тоже как взялся... — Погодите, погодите, — прервала я поток речи. — Вы считаете лорда хорошим человеком, так? — Да! — закивали обе.

Я удивилась. Интересные у них тут понятия о добре и зле. — Я видела его в таверне в одном из городков, оно был... м...

Экономка махнула рукой: — Какой мужчина не любит расслабиться после трудов! Знали бы вы, сколько сил прилагает Его Сиятельство к графству. Лично земли объезжает, жалобы разбирает, а если помочь кому надо, на то золотые выделяет. Три года тому мор прошел, так у нас меньше всех селян померло! А все потому что граф магам платил, не скупился, и в самый мор селения объезжал, следил.

Трудяга-гуляка, значит. Ну-ну.

Раз ко мне пришли такие словоохотливые женщины, этим грех не воспользоваться. — Госпожа Маргарита, мне говорили, он выселяет людей с земли. И я сама видела, как он стегал парня на площади, двадцать ударов кнутом! — В середине лета было? Проходимец он! Мало его стегали, я вам скажу! Он дочь ткача из села за рекой обрюхатил, говорил, что женится, а у самого жена в городе! Бургомистр, как услышал, сам его лорду отдал. Лорд Торк и отходил его, чтоб прочим неповадно было. У нас просто так никого не наказывают, только если что-то сильно нехорошее натворил. Того лета селянина ограбили и убили, он работающий был, при деньгах. Лорд выписал мага из Брока, чтоб подлецов этих найти, и самолично вздернул обоих. — А выселяет он только бездельников, — подхватила повариха. — Если за землей не ухаживают, он один год предупредит, второй предупредит, а потом — пжалте со своим скарбом куда хотите. Вы не думайте, если это вдова какая или детёв мал мала меньше, он поможет, приставит к делу по силам. У нас тут в поселке при замке ребятни много бегают, а их мамы кто прачкой, кто при кухне, все вдовы. Но если рук в семье достаточно, а землю не используют, зачем нам такие? — О... Но почему он разорил господина Экуата? Мы беседовали с этим господином в таверне, когда он уезжал. — Экуат... — лицо экономки скривилось как от кислоты, — Этот Экуат угрозами и обманом скупал в городе дома бедняков, а кто продавать не хотел, у того дом внезапно сгорал, и тогда Экуат землю с пепелищем выкупал за

сущие гроши. Вместо них он ставил доходные дома под публику побогаче. Города лорду не подчиняются, прямо запретить он не мог, поэтому прекратил безобразие своими средствами. — Что теперь в этих домах? Господин Экуат сказал, что нечто непотребное. — Да-да, с точки зрения господина Экуата квартиры для работников ремесленных мастерских — совершенно непотребное дело, — фыркнула экономка. — А только город от них богатеет, торговцы из других графств ездят, а значит, и селянам хорошо платят. Король скоро желчью изойдет, как у нас тут живется.

Я вздохнула. Похоже, они за лорда стоят горой. — Вы, наверно, и происшествие с леди Анной как-то объясните?

Женщины засмеялись и заговорили, перебивая друг друга: — Лорд наш, пока король на него не осерчал, был завидным женихом, а только никому не давался. Эти две дурынды, что дочь, что мамаша, приехали сюда в вместе с дальним родственником, когда лорд собирал знакомцев на прием. Так-то их никто не звал, но выставить неудобно. — А вечером эта бесстыдница пробралась в покои лорда... — ... и улеглась голой к нему в постель. А он завернул ее в простынь и выкинул в коридор. — Мамаша же поджидала под дверью и тут же устроила скандал, убиваясь о невинности доченьки, а лорд, мол, ее соблазнил, и теперь обязан жениться. — На что лорд ответил, что простынь чистая, все могут полюбоваться. — Они так кричали, что к тому времени собрались уже все гости. — Да-да, лорды в исподнем, леди в ночных сорочках. — И тут эта дурында в простыне. — Чистой.

Женщины захихикали. Но я решила уточнить: — Мне рассказывали, что в городах, как приедет, от него прячут дочерей, а что в графстве, неизвестно.

Экономка выпрямилась и чуть ли не убила меня взглядом: — Ваше Сиятельство, если бы хоть одна девица пострадала бы от лорда, я бы об этом знала. А что в городах девушек прячут — брешут. Не от него прячут, а их запирают, чтоб эти дуры за лордом не бегали. Лорд хорош собой, при деньгах и холост, вот и липнут. — Ладно, допустим, лорд, действительно, хороший человек, — кивнула я. — Но с чем вы пришли ко мне?

Экономка с поварихой-кормилицей снова замялись. — Госпожа Маргарита, начните вы. У вас была просьба. — Да, просьба, — они переглянулись, и экономка решилась. — Вы все ж будьте ему хорошей женой, леди.

Я вопросительно приподняла бровь. Да чего они от меня хотят, в конце концов?

Повариха зажмурилась и выпалила: — Сходите к нему ночью, закончите женитьбу. — Кхм, — я едва не подавилась воздухом. — Лорд Торк — взрослый мужчина, и вопрос консумации мы решим с ним сами. — Вы не понимаете, — сдавленно продолжила повариха, глядя в пол. — Очень надо, чтоб сегодня. Чтоб метка эта ваша стала темной.

До меня дошло, что от меня что-то скрыли: — Темной? Зачем? Она разве не должна быть такой, как сейчас?

Я рассматривала рисунок на тыльной стороне запястья. — Нет, — покачала головой экономка. — Метки бывают разных цветов, но непременно темные. Светлая метка только до консумации. Как брак подтвержден, так наливаются цветом. — Допустим. Но зачем именно сегодня?

Экономка с поварихой снова замялись, кидали взгляды на меня и друг на друга. — Госпожа Гертруда, госпожа Маргарита, я поняла, что вы знаете что-то, что неизвестно мне. Что-то про наш брак? Про лорда Торка? Полагаю, вы узнали это из тайного источника. Но если вы пришли ко мне с такой странной просьбой, вы должны мне рассказать, что вам известно. Я не буду никого наказывать, и если лорд решит иначе, буду просить его за вас.

Экономка, заламывая руки, набрала воздуха в грудь и выпалила: — Король накажет лорда плетью, если завтра не будет темной метки.

Мои брови поползли на макушку. — Что? Как? Почему?

Женщины снова затараторили, но я махнула рукой экономке, чтоб она продолжала. Она заговорила быстро-быстро, пока я не передумала: — Королю нужен ваш брак, а чтоб его нельзя было разорвать, он потребовал, чтоб завтра лорд показал ему темную метку, то есть, что брак консумирован, и разорвать нельзя, а если лорд Торк ослушается, король приказал прилюдно наказать его, и сказал, что дадут пятьдесят плетей.

У меня внутри все оборвалось. Пятьдесят плетей. И лорд готов принять пятьдесят ударов плетью, но не тащить меня в постель против воли. — Пятьдесят... это очень много, — прошептала я отчего-то севшим голосом. — Много, — согласилась повариха. — Помереть — не помрет, да и не дадут ему, там маги будут, но это много. Живого места не останется.

Я взялась за виски. — Вы уверены? Откуда вы знаете?

Женщины снова переглянулись, и повариха зачастила: — У одной горничной брат служит в охране короля. Он стоял в карауле, когда король говорил с лордом. Как сменился, так отпросился у капитана, мол, родных надо повидать, и сразу сюда. Они с Сюзи тут выросли, при замке, их отец вместе со старым графом утоп, так Его Сиятельство взял вдову с детьми в замок, ее в прислугу, а дети то тут, то там помогали, Сюзи вот в горничные пошла, брат ее все в гарнизоне крутился, а потом поехал в город служить и к королю в Весенний дворец попал.

Потрясенная новыми сведениями, я уже не обращала внимания на поток слов.

Какая же тварь этот король. Знал же, что настоящая Агата готовилась в Обитель, и плотские удовольствия для нее запретны. Знал же, что лорд — любитель гульнуть с дамами. И решил свести этих двоих вместе, да еще и магическим браком. И ладно бы ради денег или земель, но нет, надо сделать их жизнь невыносимой. Подозревал, гад этакий, что лорд может пощадить Агату и дать ей жить целомудренно, молиться с утра до ночи и заниматься делами во славу здешних богов, а сам погуливал бы раз в месяц-другой. Как там говорила старшая сестра в Обители? Магический брак накажет за измену упадком сил. Лорд обошелся бы и без супруги в постели — сходит налево, поболует и придет в себя. Но королю непременно нужно заставить лорда и Агату ненавидеть друг друга. Тварь!

— Благодарю вас обеих. Я приняла к сведению то, что вы мне рассказали. Можете идти.

Женщины одновременно вздохнули и скрылись за дверью, напоследок кинув на меня укоризненные взгляды.

Я встала и принялась нервно ходить по комнате.

Итак, что мы имеем. Мы имеем красавца мужчину, и как выяснилось, вполне приличного человека — по меркам этого мира. Нет, по меркам этого мира, если верить экономке, он почти что ангел. А верить, пожалуй, можно. То, каким я видела лорда Вепря на балу, вполне сходится с рассказом двух подружек.

Мы с этим человеком повязаны надолго. Если завтра его избьют за доброту ко мне, так или иначе он подспудно меня невзлюбит.

Но я не Агата. Я совершенно не против чувственных удовольствий. Если бы нам дали узнать друг друга, возможно, у лорда Вепря и леди Бабочки все состоялось бы само собой. Но времени нам не дали. Предполагается, что я должна отдаться незнакомому мужчине.

Стоп!

Агата, а ты не помнишь, как двадцать лет назад ты думала, что это было бы интересное приключение? Но тебя останавливало, что ты будешь для мужчины одноразовым телом, и относиться он будет соответственно. У тебя всегда хватало тех, кто к тебе неравнодушен. Вот и в тот вечер появился... ох, не надо сейчас об этом. Прошлое прошлому. Думаем про настоящее.

Так. Дано приключение: незнакомый мужчина, про которого ты мало что знаешь. Он красив, он, будем честными, вызвал бурление гормонов на балу, и для этого мира он порядочный человек. Ему так или иначе нужно налаживать отношения с женой.

И пятьдесят ударов плетью этим отношениям совершенно не поспособствуют.

А вот первая брачная ночь...

Судя по поцелую на балу, скучно не будет. Он тебя и закружит, и завертит, и уронит — все, как ты мечтала тогда, в клубе.

Ну что, Агата? Кому сидим, чего ждем?

Я подошла к зеркалу, распустила косу и расчесалась, сделав волосы попышнее. Пойти в шали? или сразу в сорочке? Лучше все-таки в шали. Я завязала ее узлом на груди. Надо будет — развяжет. Так даже пикантнее.

Я замялась перед дверью. Но, в конце концов, я в любой момент могу отказаться и сбежать назад, в свою спальню. Посчитает ли он свадьбу такими трудами, после которых нужно расслабиться за бутылкой? Только бы он не успел напиться.

Собравшись с духом, я постучала. — Входите, Агата, — послышался голос лорда.

Лорд сидел в кресле у столика, где стояла бутылка с жидкостью цвета темного янтаря, она же плескалась на дне круглого низкого бокала. — Зачем вы пришли? Я же сказал, что не собираюсь вас трогать.

Кажется, он трезв. Если и расслабился, то не сильно.

— Ваше Сиятельство... Арден, это наша первая брачная ночь. Брак должен быть консумирован по всем правилам. Так говорит Добрейшая Мать.

Лорд отставил бокал и подошел ко мне, внимательно вглядываясь в лицо. — Я слышал голоса из вашей спальни. Полагаю, слуги уже узнали повеление Его Величества и уговорили вас пересилить себя? Я ценю ваше решение, но не в моих правилах пользоваться женской жертвенностью. — Но... пятьдесят ударов плетью — это ужасно. Я не хочу, чтоб вы пострадали из-за меня. — Вы не хотите быть со мной как с мужем. Идите спать, леди, я как-нибудь переживу. — Так сделайте, чтоб я захотела! Мужчина вы или нет? О ваших похождениях ходят легенды!

Похоже, я сказала лишнее. Лорд с интересом посмотрел на меня, отступил на шаг и принялся расстегивать рубашку. Дойдя до низа он вытащил ее из-под брюк и расстегнул до конца, но я уже впилась взглядом в его живот. Кубики! Самые настоящие отчетливо прорисованные кубики на животе.

Он двинулся ко мне, и спохватившись я перевела взгляд на его лицо. Лорд подошел совсем близко, поднял мое лицо за подбородок и задал вопрос, от которого я шарахнулась назад, вжавшись спиной в дверь. — Кто вы? — Я? Я... Я Агата Лизток, то есть, теперь Агата Торк. — Кого вы собираетесь обмануть? Я верю, что Агата могла потребовать исполнить заветы Небесных Родителей, хотя верней всего, она молилась бы у себя в спальне. Но она никогда не посоветовала бы пробудить в ней желание. А при виде мужского торса Агата закрыла бы глаза и обратилась бы к Добрейшей Матери. Повторяю вопрос: кто вы? — Может быть, вы знаете, что я собиралась уйти к Небесным Родителям, но не меня не приняли. В милости своей они объяснили мне, что не стоит бежать от соблазнов этого мира, и мне нужно научиться справляться с ними, не покидая плоть. — Когда же это случилось? До бала у леди Примард или после?

Кто такая леди Примард? Впрочем, после ритуала я была только на балу у Трикатов. — После. — Вы даже не поправили меня, что леди Примард давно умерла. Лорд Примард задумал снова жениться и устроил бал в честь

помолвки. — После неудачного ритуала у меня некоторые пробелы в памяти. — Некоторые? Ставлю всю коллекцию южных вин, что стоит мне спросить вас о деталях вашей жизни, в лучшем случае я услышу слабые догадки. Какого цвета было ваше платье на балу, где нас представили? Какой танец мы танцевали? У кого вы гостили в столице?

Мне было нечего сказать, я опустила глаза и наткнулась на кубики, от чего заметалась взглядом по сторонам.

Лорд взял меня за плечо и повел к свечке. Подняв ее, он внимательно рассмотрел мое лицо, поворачивая его туда-сюда. — Могу побиться об заклад, что вы выглядите в точности как Агата, я помню эти две родинки. Но вы не Агата. Если б я больше верил нашим храмовникам, я бы предположил, что вижу потустороннюю тварь. Впрочем... может, показать вас в храме. Если в вас признают тварь, нас избавят друг от друга.

Я испугалась. Кто их знает, что эти храмовники придумают. Скорее всего, ничего хорошего. Я читала про методы Инквизиции в своем мире. Может, у них подобный же подход. — Что вы сделаете, если я расскажу? — Зависит от того, что вы расскажете. — Я не потусторонняя тварь, и я не причиняла никому зла. — Кто вы?

Сделав судорожный вдох, я решилась: — Я из другого мира. В своем мире я умерла и очнулась здесь, в этом теле. Агата была в храме, с ней проводили обряд посвящения души Небесным Родителям. Думаю, что душа Агаты ушла в Храм Небесных Родителей. Когда я открыла глаза, сестры небес решили, что Небесные Родители не приняли леди Лизток, и отправили меня назад в мирскую жизнь, отдав все вещи Агаты. — Я развела руками, не зная, что прибавить.

Лорд внимательно смотрел на меня и молчал, переваривая сказанное.

Наконец, он произнес: — Да, это все объяснило бы. В древних манускриптах есть упоминания о подселившихся душах, но принято считать это мифами, старыми сказками. Правда, — он хмыкнул, — обычно записи оставались о тех, кого уничтожили.

Я сделала шаг назад, но лорд поймал меня за плечо. — Садитесь, — он указал на кресло, и сам присел на край высокой кровати. — Я не собираюсь вас убивать или отдавать храмовникам, если вы не будете приносить никому зла. Как вас звали в вашем мире? — Представьте себе, тоже Агатой. Возможно, поэтому мою душу и притянуло в это тело. — В своем мире вы были куртизанкой? — Что?! Как вы смеете! — начав опускаться в кресло я снова вскочила. — Вы слишком искушены в отношениях с мужчинами, и то, как вы смотрели на меня, когда я расстегнул рубаху, выдает в вас женщину, далекую от приличий. — В моем мире женщинам не нужно разыгрывать из себя ледышек ради пристойности, — ехидно заметила я, устраиваясь в кресле. — В моем мире женщины могут быть с мужчинами по своему желанию, потому что женщин не считают товаром.

Лорд хмыкнул: — Интересный мир. Теперь я понимаю. Вы пришли, потому что вам все равно с каким мужчиной быть. — Неправда! — Вы сами только что сказали... — Я сказала лишь, что в моем мире женщина может быть с мужчиной по своему желанию, даже он ей не муж. — Да есть ли у вас вообще брак с такими-то понятиями? — Есть. Измены у нас порицаются, причем с обеих сторон, в отличие от вашего мира, — не удержалась я. — И как же женщина выбирает мужчину? — скептически поинтересовался лорд.

Я пожалала плечами: — Обыкновенно. Знакомятся, мужчина ухаживает. Если женщине нравятся ухаживания мужчины, они начинают встречаться. Если возникают чувства, они становятся парой и могут быть вместе. Потом женятся или расстаются, как захотят.

Я не стала вникать во всевозможные сложности взаимоотношений на планете Земля. Хватит ему и оптимальной схемы. Впрочем, для меня она была единственной... до сегодняшнего дня.

Граф с сомнением покачал головой: — Неужели никто не считает таких женщин гулящими? — Только те мужчины, которым они не достались. — И мстительно добавила: — Бабочка опускается не на всякий цветок, лорд Вепрь.

Граф вздрогнул и округлил глаза. Он внимательно посмотрел на меня и отошел к столу, который стоял в темном углу спальни. Когда он вернулся, у него в руках была темно-синяя маска в виде бабочки. — Не желаете примерить? — Слишком поздно, бал закончился, бабочка упорхнула, — но все же я взяла маску и на мгновение приложила ее к лицу.

Глаза лорда свергнули, и на губах появилась знакомая улыбка. С такой улыбкой он загипнотизировал меня на балконе перед тем, как поцеловать. Похоже, наша брачная ночь — дело времени. Но как сложатся отношения дальше — большой вопрос. И прояснить его лучше до, а не после.

Лорд двинулся ко мне. Ой-ёй. Неужели он прямо сейчас на меня набросится? А поговорить, а выяснить отношения? Я подскочила из кресла и попыталась забиться в угол между комодом и стенкой. Лорд расплылся в улыбке, и внутри что-то заньло. — Мне кажется, леди Бабочка попалась. Я же предупреждал, что меня невозможно остановить. А вы мне отказали. Как вы говорили? Мужчина ухаживает? Значит, вам не понравились мои ухаживания? — обаятельный наглец картинно возмутился. — Простите, Ваше Сиятельство, но я не привыкла к такому напору. — Признаться, я тоже не привык к таким отказам. Вы меня удивили. Невинной девой вы не выглядели. — Как видите, я разборчива, — ответила я, пытаясь просочиться сквозь стену.

Лорд разглядывал меня с явным интересом. — И скольким же счастливицам удалось преодолеть ваши бастионы в ином мире? — полюбопытствовал лорд. — Пятерым, — не стала я скрывать. — Из них два мужа. — У вас разрешено многожудие? — Что? О, нет, — я рассмеялась. — Мы разошлись с первым мужем, и через какое-то время я снова вышла замуж. — У вас остался муж в том мире? — Нет, мой второй муж умер. — Два мужа и трое мужчин, которые не были вашими мужьями. Хм.

Несмотря на все его обаяние я взорвалась: — Вас это возмущает? Вас? Кто поменял столько женщин, что об этом говорит все королевство? Здесь, в вашем мире женатые мужчины открыто держат любовниц, а замужние женщины шепчутся о любовниках. Девушку, которая не побывала замужем, но завела любовника, считают гулящей, но та же девушка, сходя к чаше, может творить все, что угодно, если не попадается. И вас удивляет мой мир?

Я вышла из угла: — Благодарю за беседу, лорд Торк. Пожалуй, мне стоит принять ваше предложение о раздельном супружестве. Впрочем, ради целостности вашей спины я готова потерпеть консумацию. Надеюсь, одного движения будет достаточно, и после этого я воспользуюсь запорами на обеих дверях.

Развернувшись, я пошла к своей спальне. — Агата, постойте, — хрипло сказал лорд. — Не убегайте. Я сходил с ума после бала, когда не мог вас найти. Я не хочу терять вас снова. — Он помолчал, вертя в руках маску. — Вы непохожи на тех, кого я знал раньше, но, наверное, именно поэтому я вас искал.

Я остановилась, и мы молчали. Он не мог подобрать слов, он явно порывался что-то сказать, но опасался меня спугнуть. — Лорд Торк... — Арден. Прошу вас. — Арден, мы разные. Признаюсь, мне тяжело в вашем мире. Если высшего аристократа, который никогда не покидал столицы и жил в особняке с прислугой, вывезти в захудалое селение без слуг и багажа, он и то не испытает того, что чувствую я. — О... Я не думал об этом. — Я пробую вжиться в ваш мир, но здесь есть некоторые обычаи, которые я считаю чудовищно неверными, и уж тем более я не буду извиняться за то, что нарушала ваши правила там, где совсем другой уклад. Я жила своей жизнью, и я не собираюсь скрывать от вас прошлое. Если это отвратит вас от меня, что ж, значит, нам не судьба жить в настоящем браке. — В настоящем браке, — повторил лорд и замолчал.

Как же жаль будет его отталкивать, но жить, вечно извиняясь за то, что я — это я, невозможно. — Твари трехостые, теперь я понимаю, почему я потерял голову у Трикатов. Как вы говорили? Женщины изображают ледышек? Вы не были ледышкой, но и доступной не выглядели. Вы отогнали Веркока, который богат и хорош собой. Вы поцеловали меня в ответ! Но потом сбежали, когда я сделал глупость с маской. Я не мог понять, кто вы.

Н-да, бедняга привык к "Мадоннам" и "блудницам", а встретив ни то и ни другое, встал в тупик.

Грустно усмехнувшись, он продолжил: — Прочие женщины стали казаться мне пресными. Верите или нет, но моя слава уже достаточно, чтобы женщины слетались ко мне сами, и поверьте, не только из-за денег.

Отчего ж не верить. Я кивнула. — Но мне больше не нужны были другие. Я хотел найти вас и разгадать загадку Сапфиновой бабочки. И вот вы здесь, вы моя жена... Нет, Агата, разгадка не отвратила меня от вас. Но весь мой опыт говорит, что такого не бывает. Вы мыслите как взрослая женщина, но выглядите как юная, свежая девушка, и могу поспорить, что это тело еще невинно. — Я снова кивнула. — В ваших словах о мужчинах нет стыдливости, но нет и бесстыдства. Меня тянет к вам как потустороннюю тварь к грешникам, и я догадывался, что найду нечто особенное, но я не думал, что... м... настолько.

Графа можно только пожалеть — какой когнитивный диссонанс я ему устроила.

Простите, лорд Арден, сейчас будет еще один шок.

Я медленно проговорила: — Когда я умерла в моем мире, мне было шестьдесят лет. Я прожила пятнадцать лет в одном браке и пятнадцать в другом. У меня двое детей и четверо внуков. И у меня были романы между браками. Здесь я стала Агатой Лизток восемнадцати лет, но я — это я, и другой меня не будет.

Граф подошел к столику, снял с нижней полки второй бокал, плеснул туда жидкости из бутылки и протянул мне. Себе он долил еще. Отхлебнул, подумал, и выпил до дна. Да, понимаю, такие новости в трезвую голову не улягутся. Я отпила из своего бокала. А граф любит сладкое, оказывается. Что-то крепкое с яблочным вкусом разлилось внутри.

Граф уставился в пустой стакан и собирался с мыслями. Я не торопила. Я понимаю, что слом сразу двух аксиом нужно пережить.

Наконец, он поднял глаза: — До того, как король приказал мне жениться на несчастной Агате, я думал, что когда-нибудь мне придется выбрать благородную девушку из приличной семьи, а потом долго доказывать ей, что чувственные удовольствия вовсе не происки потусторонних тварей. Когда же она распробует, удовлетворится ли она мной или, как вы справедливо заметили, будет менять любовников? Я слишком много раз был таким любовником.

Вот-вот, сначала бегае по чужим женам, а потом подозреваете всех женщин в неверности. Сначала приманиваете доступных женщин, а потом видите вокруг только доступных женщин. Миры разные, тараканы одинаковые, что у графа, что у менеджера по продажам.

Я твердо произнесла: — Арден, я не изменяла ни одному из своих мужей и не заводила двух романов одновременно. Я не стану искать любовников в настоящем браке, но не потому, что я уже удовлетворила любопытство. В настоящем браке мне это не нужно.

Н-да, не удалось мне отдаться мужчине, про которого я ничего не знаю — ни проблем, ни закидонов. Не судьба, значит.

Понимаю, почему Небесные родители меня призвали. Редкая женщина справится с таким заворотом мужских мозгов. Тараканы у графа крупные, жирные. У юной девушки не хватит опыта разогнать этот зоопарк. Но графу нужна молодая жена для наследника. Пришлось Небесным родителям устраивать два в одном, опытную женщину в юном теле.

Граф еще порассматривал бокал, и, наконец, перевел на меня взгляд. Похоже, он принял решение. — Агата. Пусть будет так: все, что было в том мире, осталось в том мире. Для меня вы леди Агата восемнадцати лет. Вы росли в странном месте со странными людьми, у вас странные для меня мысли, вы умны не по годам, и может быть, в чем-то умнее меня. Я не знаю, что у нас получится. Но я буду идиотом, если упущу шанс на то, что вы называете настоящим браком.

Теперь он смотрел на меня как... как лорд Вепрь на Сапфировую бабочку! И улыбнулся своей притягивающей, гипнотизирующей улыбкой. Я опустила глаза и снова наткнулась на кубики, виднеющиеся из-под распахнутой рубашки. Попросить его одеться, что ли? Мне и без кубиков нервно. — Агата, что вы так пристально разглядываете у меня на животе?

Да перестань ты так улыбаться, у моего восемнадцатилетнего тела колени слабеют!

Я покраснела и заметалась взглядом, и мне все попадался тот же живот. — Кубики. У нас это считается очень красивым. Можно сказать, идеал красоты мужского тела.

Лорд улыбнулся еще шире, распахнул рубашку и нарочито продемонстрировал мышцы. — Могу повернуться. — Сзади кубиков не бывает, но... да, можете, — я приняла игру.

Он скинул рубашку, поиграл мышцами, медленно повернулся вокруг. — Твари рогатые! Агата, у вас такой вид, будто вы хотите меня потрогать. — А можно?

Проклятые гормоны юности! Я вовсе не собиралась этого говорить. Но поздно. — Разумеется. Вы можете трогать своего мужа сколько угодно.

И я потрогала. Я подошла к лорду и слегка провела пальцем по его животу. Надо же, настоящие кубики. Положила ладонь. С ума сойти. Провела по животу, прошлась ладонью по талии к спине. Чудесные мышцы любовалась бы и любовалась. Оказавшись сзади я скользнула руками на живот, провела до груди и вернулась, чтоб огладить спину. Лорд с шумом втянул воздух сквозь зубы: — Мне начинает нравиться ваш мир, Агата.

По выемке позвоночника я спустилась ниже, а теперь пора возвращаться к кубикам... Но я не закончила обход, когда мужская рука оплелась вокруг моей талии, и я оказалась прижатой к телу графа, и Арден прошептал: — Теперь я буду трогать.

Не отрывая от меня взгляд, он развязал шаль и скинул ее с моих плеч. — На чем мы остановились на балконе? Леди Бабочка, немедленно возместите мне урон от вашего бегства.

Не стесняясь, я обняла его и утонула в поцелуе. Легкий треск означенвал конец сорочки — лорд попросту оторвал лямки, и одежда сползла на пол.

Он увлек меня на кровать. Какой он горячий, какие горячие у него губы и руки!

Я нежилась в его ласках, гладила спину и плечи, он покрыл меня поцелуями от шеи до пальцев ног. Юное тело остро чувствовало все, что он со мной делал, и едва я ощутила его прикосновение там, где все ныло в ожидании, как выгнулась и застонала, царапая его спину, и сквозь ресницы увидела его восторг.

Он остановился, нависнув надо мной. — Тебе будет больно. — Я знаю, не страшно, — прошептала я. — Я постараюсь осторожно. — Лучше сразу. — Хм, ты уверена? — У тебя не было девственниц, — догадалась я. Разговор начинал меня смешить. — Нет, конечно. — Тогда поверь моему опыту... Кхм... — меня все-таки разобрал смех. — Из нас двоих опыта в лишении девственности у меня больше.

Он засмеялся, рухнул рядом со мной, мы хохотали и не могли остановиться, сбрасывая напряжение этого дня. — Ты нужна мне такая, какая ты есть. — сказал лорд, когда мы отдышались, — Только ты.

Я притянула его к себе и поцеловала. И снова его руки, его губы...

Я вскрикнула от боли и зажмурилась, закусив губу. — Больно?

Он перелег рядом и прижал меня к себе. — Извини, — я уткнулась в его грудь. — Очень больно.

Брачные метки налились светом и погасли, оставшись темно-синими — один из цветов рода Торк. Дело сделано.

Арден нежно погладил меня по бедру и вдруг тихо засмеялся. — Что? — У меня исполнилась мужская мечта — опытная девственница! И толку... — лорд продолжал смеяться.

Репутацию опытной девственницы стоило поддержать. Я толкнула его, уложив на спину, села и

передвинулась ближе к его плоти. — Что ты делаешь? Агата, нет... что... ты... только куртизанки... — В вашем мире? — отвлеклась я на мгновение. — Но... О... Агата-а-а! О-о-о!

Утром я проснулась от плеска воды и пения из "ванной". Лорд Торк немилосердно фальшивил, но исполнял песню про рыцаря и жену трактирщика с таким воодушевлением, что прерывать я бы ни в коем случае не стала.

Я не торопилась вставать, вспоминая сон. Мне снились сыновья с невестками. Они сидели за столом и о чем-то разговаривали. Рядом бегали внуки. Старший вдруг поднял голову, посмотрел на меня и тихо сказал: "Не волнуйся за нас, бабушка, у нас все будет хорошо".

Я стерла выступившие слезы краем простыни. Вовремя — из "ванной" вышел муж, вытираясь куском полотна, и я невольно залюбовалась хорошо сложенным телом, уверенными движениями, внутренней силой этого человека, который готов был встать за малознакомую женщину к позорному столбу, а потом нашел в себе силы поговорить со мной начистоту и вынести крушение догматов. Интересно, чем здесь благодарят Небесных Родителей?

Арден быстро поцеловал меня и убежал одеться, крикнув мне уже из гардеробной: — Кто сейчас не встанет, тот опоздает к завтраку!

Что это с ним? Или он всегда такой веселый?

Я прошмыгнула в свою спальню. Не прошло и получаса, как я управилась с бадьей и ковшиком. Кажется, мне проще продвинуть идею водопровода, чем привыкнуть мыться с помощью прислуги. В голове толкались схемы из школьных учебников и картинки из исторических книг. Займусь сегодня же. Нет, завтра. В первую очередь кухня — мне надоело думать, какими руками готовилось то, что я ем.

Муж спугнул камеристку и настоял на том, чтоб лично застегнуть мне платье. К его разочарованию мои платья оказались со пуговицами спереди, но его это не смутило, он все равно остался рядом. — А прическу? — Ладно, сейчас позову Питу.

Он схватил меня за мягкое место, и я взвизгнула, хихикнув: — Да что с тобой? — М... не понимаешь? — Нет, наверное. — Представь, какой мне виделась моя семейная жизнь вчера утром, и какой она выглядит сегодня. — Он подошел ко мне вплотную, положил руки ниже спины и приподнял меня за бедра. — А какой она будет через неделю... М-м...

Я засмеялась и быстро его поцеловала. Он отпустил меня и выглянул в коридор, чтоб позвать камеристку.

Похоже, муж-гуляка и весельчак будет непростым испытанием. Придется устраивать какие-нибудь разудалые празднества, не только чопорные балы, чтоб муж отрывался на дому, а не шастал в таверны. Ладно, справимся как-нибудь.

К завтраку мы спустились вместе. Экономка ждала нас внизу лестницы, с беспокойством поглядывая то на меня, то на графа. Я поддернула рукав, чтоб показать ей темную метку, и она заулыбалась, а когда госпожа Маргарита перевела взгляд на светящееся лицо графа, ее брови поползли вверх в крайнем недоумении. Такого исхода брачной ночи от воспитанницы обитатели никто не ожидал.

Нас привели в Малую столовую и посадили напротив друг с друга за небольшим столом. Нарезая ветчину я поинтересовалась, насколько далеко я могу заходить в распоряжении слугами, и мысленно отметила, что пора вводить четырехзубые вилки вместо этого двухзубого безобразия. — На тебе замковое хозяйство, кроме гарнизона. Что касается графства, здесь решения принимаю я, но ты можешь говорить с людьми и передавать мне вопросы. Позже мы обсудим, обычно графиня обладает некоей суммой, которую может тратить на устройство дел без разрешения мужа. Хочешь что-то изменить по вкусу своего мира? — Да, хочу. В моем мире многое сделано иначе. Люди меньше болеют, живут дольше и лучше. — Кхм. Намного иначе? — Намного, — вздохнула я. — То, что я вижу вокруг, это наше прошлое. Мы ушли вперед лет на триста-четырееста, а кое-где и пятьсот.

Граф глянул на меня с опаской. — Честно говоря, мне немного не по себе. И что ты хочешь изменить? — Прежде всего, кухню. С точки зрения моего мира ее нужно иначе устроить и лучше чистить. — Кухня — твое законное право. — А дальше... я к вечеру напишу первые шаги. — Хорошо. Я съезжу, расстрою Его Величество, и вернусь к ужину. — Не расстраивай его слишком сильно, иначе он придумает еще какую-нибудь гадость. — Да, ты права. Придется изображать удрученного судьбой несчастного супруга.

Он скорчил рожу и не выдержав, расхохотался. — Арден? — Да? — Я подумала... Я могу завести алхимическую мастерскую? В моем мире я была по-вашему алхимиком. — Конечно. Интересно, что у вас есть алхимического, чего нет у нас?

Я отвечала осторожно, стараясь выбирать то, что могу воспроизвести сама в здешних условиях: — Порошок, от которого больше урожая. Краски для ткани, которые дешевле делать, они получаются ярче и дольше держатся. М... Разные вещи для помощи лекарям. — Будет тебе мастерская. Если у тебя получится хотя бы половина, то через десять лет Его Величество сильно пожалеет о своих интригах.

* * *

Арден оделся для дороги и заглянул ко мне сказать, что уезжает. Я прошла с ним до дверей и поцеловала на

прощание. Увидев его удивление, смутилась: — Наверно, в вашем мире так не принято. — Теперь принято, — расплылся в улыбке муж.

Граф уехал, а я позвала экономку и попросила проводить меня в кухню. Госпожа Гертруда уже знала о потемневшей метке и увидев меня радостно засуетилась. Мне было жаль расстраивать хорошую женщину, но разводить инфекции с глистами не в ее же интересах.

Я выдержала небольшой бой с кухонной командой, который закончился моей безоговорочной победой, стоило на пальцах объяснить про мелких потусторонних тварей, которые стремятся убить как можно больше созданий Небесных Родителей. Я вошла в роль религиозной Агаты и сообщила, что Добрейшая Мать открыла мне тайну мелких тварей, когда я пыталась уйти в Небесный Храм.

В спальне я засела за что-то вроде секретера. Наверное, это его предок — маленький столик с ящиками, где нашлась бумага. Я достала из своих вещей свинцовый карандаш и принялась набрасывать список начинающего прогрессора, прикидывая, по каким пунктам получу наибольшее народное сопротивление. Пока лидировала гигиена с санитарией.

В дверь постучали. Я крикнула, чтоб вошли. — Госпожа Маргарита, госпожа Гертруда, что-то случилось? — Мы подумали, — начала экономка, — что нехорошо скрывать такие сведения. Раз Добрейшая Мать одарила вас знанием, как побеждать этих мелких тварей, нужно объявить им святую борьбу во славу Небесных Родителей.

Такой пыл меня несколько ошарашил. Впрочем, я же для них спасительница, пожертвовавшая своими убеждениями ради счастья их любимого лорда. Что ж, будем ковать железо, пока горячо.

— Я с удовольствием поделюсь со всеми желающими тем, что знаю, — ответила я. — Нам нужно основать Орден! — воскликнула повариха. — Орден? Но я не ухожу в Обитель. — О, это совершенно необязательно, — махнула рукой госпожа Гертруда.

Определенно, Небесные Родители мне нравятся.

— Конечно, хорошо бы связаться с небесными сестрами, они станут распространять ваши заветы силой Великого Отца и верой Добрейшей Матери, — добавила экономка. — Вы подали мне великолепную идею, — улыбнулась я женщинам. — Прошу вас подумать над тем, как мы назовем наш Орден.

Кивком я отпустила подружек и достала чистый лист. Никогда не думала, что придется писать новый гигиенический завет, десять санитарных заповедей и святое причастие-вакцинацию. Но что поделать — это тоже метод.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела вверх, выбирая приличествующие религиозному Ордену формулировки. Мой взгляд наткнулся на барельеф Добрейшей Матери. Мне показалось... нет, не показалось! Вырезанная из дерева фигура, действительно, улыбнулась шире и... подмигнула.

Неделя пронеслась в заботах с утра и до вечера. Замок пришлось отмывать с верху до низу, а на то, чтоб держать кухню в должной чистоте, наняли еще двух служанок.

Справедливо рассудив, что на мои нововведения нужны будут золотые, я принялась прикидывать, какие из знаний моего мира принесут их побыстрее. Идея пришла, когда я собиралась ехать в город к стеклодувам, заказывать утварь для лаборатории алхимика. Из города я вернулась с подмастерьем, которому пора было выпускаться в мастера, и с заготовками для собственной стеклодувной мастерской. Мастерская при замке сделает мне все, что нужно, для моих целей. Но главное, хрустала в этом мире еще не знали. Уверена, что деньги потекут рекой. Но продавать хрусталь придется для начала за границу, иначе король, который и так точит зуб на наше графство, приберет дело к рукам.

Я записывала все, что могла вспомнить, многое — на будущее. Я стала носить с собой сшитые в тетрадь листы бумаги и свинцовый карандаш, чтоб не потерять ничего из всплывающего в памяти. Прочное джинсовое плетение, английские булавки, плоские пуговицы, консервация — все это было достаточно просто произвести с имеющимися технологиями. Как только поставлю лабораторию, займусь восстановлением рецепта спичек.

Не желая отбирать кусок хлеба у приютских вязальщиц я договорилась с Арденом весной перевезти приют в наши земли, чтобы основать здесь вязальную мастерскую. Тащить сорок детей по холоду в многодневную дорогу было бы неразумно.

Я торопилась решить хотя бы самые острые проблемы здоровья, но на каждом шагу встречала сопротивление. Зубными щетками в замке пока пользовались только двое — я и Арден.

Разговоры со знахарками и повитухами ни к чему не привели — бабки уперлись насмерть. Они, конечно, для виду покивали, не перечить же графине, но видно было, что методы лечения и родовспоможения здесь так и останутся прежними. А я не могла терять людей только потому, что местные эскулапы привыкли лезть внутрь организма теми же руками, которыми только что пололи грядку. Целый день я рассказывала Ардену, как устроено здравоохранение в моем мире, и какая будет польза от больницы с роддомом. Найдем пару молодых врачей, пусть без опыта, но открытых к новым знаниям. Как обучу, можно будет им шприц "изобрести". Пока они не знают простейших методов обеззараживания, это чревато. И за пеницилин, похоже, придется взяться. До полноценных антибиотиков этому миру еще далеко, но надо же с чего-то начинать.

Проблему подростковых беременностей, от которых взлетает материнская смертность, мой муж решил со свойственной ему прямолинейностью: "Прикажу, что если кто-нибудь обрюхатит девку, которая еще не созрела, тому двадцать плетей". Человек будущего внутри меня дернулся, но я заставила его замолчать. Это другой мир, и методы тут другие. Лучше поротая спина недоумка, чем умирающая в родах девочка.

Битву за всеобщее начальное обучение я пока не выиграла, но решила — пусть прочие нововведения дадут свои плоды. Когда пойдут деньги от моих "изобретений", тогда можно будет поговорить и о школах для всех.

Моими стараниями все молоденькие служанки принялись шить себе панталоны, стоило однажды собрать девушек вместе и показать крой. Через год-другой устрою аристократии модную революцию, чтоб не таскали на себе килограммы ткани. Я присматривалась к девушкам, кто ловчее шьет — заведу свой цех и выведу в город сразу партию новых штучек на любой кошелек.

За неделю я ни разу не спала в женской спальне, устраиваясь под боком у мужа, но испуганный первой ночью Арден не трогал меня, только прижимал к себе, обнимая по ночам. Зато по вечерам он уводил меня то на балкон, то на верх стены, то в одну из башен, где под крышей обзорная площадка, и мы пили вино на закате, таскали из корзинки прихваченные с кухни сладости или просто болтали и целовались. Казалось, Арден старается наверстать все те годы, когда он закрывался от романтики, от чувств, от любви.

За всеми хлопотами я не сразу поняла, на что намекает Арден, советуя мне сегодня не загружаться делами, а хорошенько отдохнуть. К вечеру я все-таки сообразила.

Мои платья стараниями Питы были вычищены, постираны и вывешены в отдельной гардеробной. Вымывшись вечером в лохани я попросила Питу принести синее платье, которое я привезла с собой. Камеристка удивилась, но приказание выполнила. Шелковая камиза приятно струилась по телу. Я попросила Питу не зашнуровывать платье сзади полностью, а скрепить края бантом через две петли чуть ниже лопаток. Волосы мне Пита уложила довольно свободно, на три шпильки. Отпустив девушку, я прислушивалась, что происходит за дверью в спальне мужа. Наконец, раздалось немелодичное пение — муж ушел в "ванную". Прокравшись к нему в комнату, я добралась до маски Сапфировой Бабочки, которую он хранил на столике, надела ее и уселась в кресло.

Выйдя из "ванной", облаченный в легкие штаны Арден замер. Я оставила гореть лишь две свечи. В полумраке Арден двинулся ко мне хищной походкой и хриплым голосом проговорил: — Леди Бабочка, позвольте пригласить вас на танец.

Я подала ему руку, и мы сделали несколько шагов. Прижав меня к "кубикам", муж нашарил на спине шнуровку, потянул за конец и обнаружил, что платье распахнулось на спине от одного движения. Это стало последней каплей. С рычанием лорд Вепрь содрал с меня шелка и бархат, и я бабочкой полетела на кровать.

ГРАФ АРДЕН ТОРК

Я был юн и не так давно начал бриться, когда вокруг внезапно оказалось множество привлекательных девушек. Они бегали в передниках прислуги и сверкали стройными шиколотками, поднимаясь по лестнице. Отец, перехватив мой взгляд, позвал меня в кабинет, и начал напрямую, без обиняков: — Пользоваться теми, кто от тебя зависит, недостойно благородного человека, сын. Если естество требует свое, возьми для охраны солдата из гарнизона и съезди в таверну "Белая Лилия", что за селом Три Сосны. И не забудь выпить настойки. Одной стопки на три дня достаточно.

Он протянул мне флягу. — Что это? — Ни бастарды, ни дурные болезни Торкам не нужны. Впрочем, если так станет, что появится бастард, отдашь в хорошую семью и выделишь золотые на воспитание. — А если мне подсунут чужого? — любопытство юности не знало границ. — Ты видел, как светится родовой перстень? — Я кивнул, и отец пояснил: — Перстню все равно, был зачат потомок Торков после храма или во грехе. Поэтому, сам понимаешь, не дело это, кровь свою расплескивать. Все понял? — Понял. Но если они... ну, сами... — Замковых не трожь. Тебе не нужна обиженная прислуга за спиной и драки между служанками. Если в городе, иди с ней в комнату в таверне. Не оскорбляй предков, превращая родовое гнездо в веселое заведение. Желтый Клык предназначен для освященных храмом уз. Если захочешь завести мистресс, сними ей дом в городе. — Он усмехнулся, глянув на меня. — И удвой уроки с господином Свордом: и клинок, и кулаки тебе не раз пригодятся.

Я соблюдал отцовские заветы и повидал немало горожанок, селянок и веселых девок.

А потом появилась она, мой ангел, который приходил ко мне даже в снах. Белокурая, с глазами цвета неба и голосом как перезвон колокольчиков — дочь виконта с нежным именем Леа. Я боялся прикоснуться к ней, и лишь позволял себе поцеловать кончики ее пальцев. Едва она вошла в брачный возраст, как я уговорил отца на сватовство. Мысль об обладании ею казалась кощунственной, но я хотел любоваться ею, поклоняться ей, обожать ее.

Вернувшись, отец огорошил меня известием, что Леа уже сговорена за друга ее семьи, и отменять соглашение виконт отказался. Ее отдавали старику тридцати пяти лет!

Неделю я просидел в своей комнате, едва притрагиваясь к еде, пока отец не наорал на меня самым простецким образом, вытащив на очередной объезд земель — сердечные томления не отменяют моих обязанностей как наследника.

Через полгода я получил записку от Леа, теперь уже замужней женщины, которая пожелала меня видеть. В тот же вечер я вскочил на коня и полетел в город в двух часах езды, где жила Леа после свадьбы. Служанка моей любимой провела меня через парк к балкону, на который я без труда взобрался. Леа встречала меня в легкой накидке, которая облегла ее тонкий стан, струилась по очертаниям тела, ее нежный голосок звенел извинениями за то, что она вынуждена была покориться воле отца, но никто не заставит ее отказаться от меня. Я потерял голову, и ушел от нее лишь с рассветом.

Я пробирался к ней всякий раз, когда она вызывала меня запиской, коря себя и ругая за то, что не могу отказаться от тайных свиданий. Пока однажды не обнаружил, что мы в спальне не одни. Перемахнув в условленный день балконную ограду я поднырнул под занавеску в комнату, где при свечах мой ангел сидел на коленях офицера. Мундир незнакомца был распахнут, и Леа положила ручку ему на грудь. Его же рука поглаживала моего ангела по бедру. — Ах, Арден, я решила познакомить вас с лейтенантом. Вы оба такие чудесные, что непременно подружитесь, и мы сможем приятно провести время вместе. Мне не хочется делить мои ночи, когда муж уезжает, между вами двумя. Вам понравится, Арден, обещаю!

С этими словами мой ангел отправилась к разобранной кровати и скинула шелка. — Ну же, Арден, идите ко мне. Капитан, я вас тоже жду!

Не в силах двинуться с места, я наблюдал, как офицер разоблачается на пути к кровати и кивнув мне, будто старому знакомому, устраивается между коленей Леа. Я не мог поверить, что я видел именно это: как содрогаясь под его ударами мой ангел протягивает руку ко мне и вздыхает: — Ах! О! Арден, ну что же вы медлите! идите сюда... о-о-о!... Арден, сейчас же!

Я попятился, чуть не сорвал гардину, и выпутавшись из ткани, едва не выпал с балкона.

Следующую неделю я обошел, казалось, все известные мне веселые дома. Я не считал монет, я не считал выпитого, а женские лица слились в одно пятно, из которого то и дело выплывало лицо Леа, томно стонавшей под офицером.

Когда я вернулся домой, отец ничего не сказал. Позже я понял, что он знал и о моих свиданиях, и о моем сопернике, и был уверен, что рано или поздно я увижу настоящее положение дел.

Я вернулся к делам наследника с двойным пылом, пытаясь забыть о пережитом. Я тратился на веселых девок не скупясь, и редко отказывался, если женщины приходили ко мне заработать золотой. Раздобыв редчайший артефакт невинности, я отчитывал тех, кто пытался продать мне целомудрие, и выставлял их вон — если ангел желает стать развратницей, то пусть не со мной.

Все женщины поделились на тех, кто уже развращен, и тех, кто будет развращен позже. Небесные сестры? Не в силах противостоять разврату, они укрылись от соблазна за толстыми стенами дома небес. Юные прелесницы благородного сословия, которые краснеют от взгляда на мужчин? Леа тоже была скромницей когда-то. Молоденькие кокетки на выданье, с которыми доводилось танцевать на балах? Я мог поспорить, что пригласи я любую в темный сад, как получил бы свое.

И приглашал, но для веселья иного рода. Не раз и не два я удалялся, оставив распаленную благородную деву с распушенным лифом, и вместо того, чтоб воспользоваться благосклонностью, высмеивал ее готовность задрать юбку как простая селянка на сеновале. О сколько проклятий в спину я выслушал! Меня пытались обвинить в мужском бессилии, но мои замужние и вдовы любовницы опровергали эту репутацию, живописуя товаркам в будуарах мои способности.

Став из наследника графом я принял обязанности лорда земель. Торки издревле не отличались жестокостью, не было такого в нашем роду. Во времена прадеда поселянам разрешили переезжать без дозволения лорда, и уже дед придумал, как удерживать людей. "Кошка живет там, где много мышей, и есть молоко в миске, а не там, где сапогом пинают", — говорил он. Во времена отца наше графство стало самым богатым в королевстве, мне оставалось только удерживать достояние предков.

Когда отряд королевской гвардии, остановившись у поселения в графстве Торк, решил, что им все дозволено, я немедленно отозвался на зов о помощи. Приехав с половиной гарнизона я разъяснил капитану, как положено вести себя на моих землях, и намекнул, что если безобразия не прекратятся, учить бесчинствующих негодяев будет не только меч стражника, но и селянское дреколье, и я как лорд ничуть не буду против.

Через месяц после этой стычки король прислал разряженных придворных крючкотворов в попытке призвать меня к ответу. Я передал им письмо для Его Величества с уверением в полной преданности королевству и готовности защитить его подданных любого сословия против кого бы то ни было. Король намек понял, но злобу на меня затаил. Навестив столицу и потратив немного золотых я разузнал, что королевские казначеи убедили Его Величество не трогать благосостояние графства — подати я платил исправно, и лишиться притока монет им было не с руки. Но меня предупредили, что так просто король меня не оставит.

За всеми заботами у меня оставалось все меньше времени для любовных подвигов, что поубавило их количество, но не качество. Оскорбленные мужья не раз подсылали ко мне убийц, обиженные соперники вызывали на дуэли, но я не зря тратил многие часы с господами Свордом, Даггером и Локом, и умел защитить себя даже будучи навеселе и без клинка в руках. Подкупить кого-то из слуг не представлялось возможным — мои люди слишком дорожили благополучной жизнью, и все попытки становились мне известны.

Когда-нибудь мне придется жениться на девушке из благородной семьи. Зная, что происходит дальше, я всячески оттягивал этот момент. Прекрасные развратницы прекрасны, когда они замужем за кем-то другим.

Про иных в мужском кругу рассказывали, что зачинать с ними наследника — пытка хуже некуда: супруга молит Великого Отца поскорее закончить греховное занятие, а Добрейшую Мать — дать наследника, и возносит молитвы Небесным родителями прямо во время зачинания. В лучшем случае подобные женщины молчат со скорбным лицом. Таковую жену я посчитал бы сущим наказанием. Этим дамам место в Небесной Обители, а не в супружеской постели.

Я слишком долго избегал брака, и король воспользовался моей свободой, чтоб связать нас с Агатой на горе нам обоим. На столичном балу мне представили эту скромную бесцветную девушку, смотревшую в пол, дрожащую, когда мужчина подходил к ней ближе, чем на три шага. Мне хотелось удушить Его Мерзкое Величество и за себя, и за нее. Я возблагодарил Небесных Родителей с несвойственным мне пылом, когда Агата сбежала. Если бы не графство, я бы сделал то же самое, но я не мог оставить людей, которых мне вверили поколения предков.

Как только пришло сообщение, что Агату видели на юге, я немедленно отправился к северу, изменив внешность, насколько мог. Воспользовавшись инкогнито, я решил повеселиться и пробрался на карнавал к Трикатам.

Сапфировая Бабочка поставила меня в тупик. Неужели кто-то протащил на бал молоденькую мистресс, которая уже утратила застенчивость невинности, но не успела приобрести развязность дамы полусвета? Понаблюдав за ней, я перестал что-либо понимать. Она флиртовала, но не жеманничала. Она не стреляла глазами по сторонам в поисках кавалеров, в то же время показывая, что ей противно даже думать о мужчине. Дамы такого сорта питались комплиментами, даже самыми пошлыми, как оголодавшие курочки селянским мусором. Но мимо Бабочки цветистые банальности пролетали, ничуть ее не задевая. Зато на мои слова о подозрениях в ее занятии она

не стала ни притворно возмущаться, ни пытаться завлечь в свои сети, а ловко поставила меня в ряд злопыхателей и удалилась, будто и правда все, что ее интересует — шаловливый кураж для собственного удовольствия.

Против воли меня потянуло к ней. Но я был уверен, что это временно. Немного усилий, и она полетит за мной в темную беседку. Воспитанница Трикатов? Что ж, я не буду оскорблять дом Трикатов соблазняя их протеже, но проявить ее нутро не помешает. Я уже представлял, как спущу ей платье с плеч и докажу, что она ничем не отличается от прочих мотыльков. М... После этого, пожалуй, я наведуось в одно заведение на окраине. Мысль о Бабочке в таком виде привела меня в черзчур бодрое состояние.

Наглец Веркок пошел за ней на балкон. Он не узнал меня — в попытках затеряться на другом конце королевства я сбрил бороду и усы. Но я узнал его. Возможно, Бабочка поддается этому негодящему кавалеру, и тогда все окажется совершенно безынтересно. А может быть, его напор испугает девицу, и я покажу ей истинную куртуазность.

Первое испытание Бабочка прошла чудесно: когда я вышел на балкон, она всерьез сопротивлялась Веркоку, этому позору благородного сословия. Я счел себя обязанным помочь девушке и наказать хама. Если он завтра вызовет меня на дуэль, тем лучше. Оставлю пару отметок на его смазливой физиономии. Давно пора это сделать. Но кидаться в мои объятия спасенная Бабочка не спешила. Я призвал все свое умение очаровывать, чтоб добиться поцелуя. Сейчас она ослабнет в моих руках, я увлеку ее в парк и... может статься, не стану останавливаться. На невинную деву эта Бабочка вовсе непохожа. Странно, неужели Трикаты не уследили за подопечной? Но смазливому Веркоку она не поддалась. Это интриговало.

Бабочка не воспользовалась возможностью оттолкнуть меня — и попалась. Когда она быстро, на одно мгновение ответила на поцелуй, я уверился, что девушка обладает некоторым опытом. Артефакт невинности у меня был с собой, и если этот цветочек уже побывал в чьих-то руках — что ж, тем интереснее, тем приятнее будет провести с ней время.

Каких тварей я решил снять с нее маску? Я поторопился, я хотел видеть ее лицо здесь, где из окон лился свет, но Бабочка неожиданно пришла в себя и упорхнула. Твари, она совершила невероятное для воспитанной девицы — перескочила через парапет, приземлилась на клумбу и убежала! Прислуга, разумеется, врала, что никого не видела, но скандалить в чужом доме было бы неприличным.

Нет, это не скромница, которая впервые видела мужчину так близко. Но недостойную девушку бургомистр не взял бы на воспитание. Утром я пришел к Трикатам. Горожанка, неблагородная? Мне было плевать. Возможно, девушка попала в беду, Трикаты выручили ее и теперь устраивают ее судьбу. Я был готов заняться этим лично. Я был готов... твари чешуйчатые, я был готов стать этой судьбой! Если она сумела вызвать благоволение Трикатов, то это не та девица, которая скачет по мужчинам. Уж лорд Трикат не был образцом добродетели и дам полусвета видел насквозь. Если после встречи с ней я не разочаруюсь, то немедленно поведу ее к чаше, и будь, что будет. Моя несчастная невеста, Агата, еще спасибо скажет, что я избавил ее от себя. А с королем я разберусь.

Но Трикаты оказались непоколебимы. Я устроил слежку за их особняком, пока две недели спустя не выяснил, что меня обвели вокруг пальца. Бабочка исчезла.

Я ездил по соседним землям, пытаюсь найти ее следы. Мне приходилось возвращаться в свое графство, чтобы заниматься делами и получать сообщения от короля о поисках Агаты. Его Величество был рассержен тем, что я не прилагаю никаких усилий, но ему оставалось удовольствоваться тем, что я не отказываюсь от брака — пока! Пока я не нашел мою Бабочку.

Я навещал Трикатов в надежде, что они раскроют мне ее имя, но в одно из посещений Трикат огорчил меня известием: маркиз Рамбаух похвастался, что обнаружил леди Лизток, и теперь ее везут в мой замок. Мне пришлось признать, что Бабочка потеряна для меня навсегда. Я вернулся, чтобы не заставлять несчастную Агату жить в заточении в ожидании своей участи. Бедняжка не виновата в том, как храмовники ее воспитали.

Его Величество вызвал меня в Весенний Дворец и имел со мной пренеприятный разговор. Кроме магического брака он требовал немедленной консумации, чтоб я не смел отказываться от вклада в баронство Лизток. Я бы и так занялся землями баронства, но подозреваю, что наш монарх желал отомстить нам с Агатой: ей — за отказ матери стать его фавориткой, и за ее собственный побег, мне — за своеволие, и что посмел обрести в своих землях такую опору, что вздумай я пойти против королевской власти, у меня получилось бы собрать достаточно верных людей.

Самое гнусное, что меня сделали орудием мести Агате — тем, кто должен надругаться над целомудренной девой, воспитанной в порицании всего плотского. Я ни разу не брал женщин силой. Подставить спину под королевскую плеть мне показалось лучшим решением. Спина заживет, совесть — никогда.

Бедняжка дрожала всю церемонию, и я счел нужным объяснить с ней, как только мы приехали в Желтый Клык. Я собирался оставить ей возможность жить небоугодной жизнью. Это лучшее, что можно сделать с нашим браком. Когда из-за двери в комнату супруги послышались голоса Маргариты и Гертруды, я понял, что наш с королем разговор не остался тайной для слуг. По заветам отца я хорошо относился к тем, кто берег мой покой и благополучие в Желтом Клыке — власть ради власти мне неинтересна, а прикрытый тыл дорогого стоит. И теперь

мои люди пришли защищать меня перед моей же женой? Я счел их беспокойство забавным, достал яблочную наливку и принялся ждать молитв Агаты во славу Небесных Родителей.

Я слышал, как она расхаживает по комнате. Я уже, было, думал заглянуть к девочке и успокоить ее, но решил посмотреть, какое решение примет она сама. Все-таки, нам с ней волей Его Гнусного Величества так или иначе придется разделить жизнь.

Агата пришла, пытаюсь уберечь меня от порки. Это было приятно. Я повторил, что не собираюсь ее трогать, уважая ее нежелание. Услышав ответ, я едва не поперхнулся наливкой. Агата советует мне пробудить в ней чувственность? Твари зубастые, я сплю? В изумлении я решил припугнуть странную девицу обнаженным торсом. Девица воззрилась на меня как кошка на сметану. Что, твари вас раздери, происходит? Леди Лизток нашла похожую на себя как две капли воды девушку? Я не видел никаких внешних отличий от Агаты, но будто бы в этом теле был кто-то другой.

Когда она подтвердила мою невероятную догадку, я не сразу поверил в происходящее, но это, сожри меня твари, объясняло всё! Давно уже никто не выбивал меня из равновесия так, как эта женщина, но кусочки головоломки постепенно собирались в картину — невероятную, но единственно истинную.

Я пил наливку и пытался понять, что мне со всем этим делать. Теперь, когда я узнал тайну Бабочки, меня тянуло к ней еще сильнее. Ее душе шестьдесят лет? Плевать. По мнению многих храмовников, нашим душам тысячи лет, но мы не помним прошлого. Она помнит прошлую жизнь и своих мужчин? Как я ни старался найти привычные в распутницах черты, пришлось признать — ее прошлое честнее и чище, чем многих известных мне "приличных" леди. Она обещала, что в ее постели не будет других мужчин, и я верил, что она сдержит слово.

Она заговорила про настоящий брак, и мне до рогатых тварей захотелось настоящего брака, когда не нужно терпеть супругу и заводить любовниц, когда можно проснуться рядом в родовом замке и наслаждаться друг другом, улыбаться за завтраком, обсуждать прошедший день за ужином, сидеть летом в час заката на балконе и зимним вечером у камина. И все это было рядом, только руку протяни... но если сейчас, когда все так хрупко, я сделаю неловкое движение — моя Бабочка упорхнет!

Впервые в жизни я смотрел на женщину и чувствовал страх перед неизвестностью. Раньше все было просто, понятно и предсказуемо. Твари, я всего второй раз узнал, что такое неизвестность, и второй раз с ней же, с моей Бабочкой, с моей неожиданной женой!

Я не прощу себе, если покорюсь своему страху. И где-то внутри зрела уверенность, что если я соглашусь, соглашусь принять ее полностью такой, какая она есть, с ее прошлым, с ее миром, то даже если мне доведется оступиться, моя Бабочка не даст нам упасть. Это было ново. Это было интересно.

А потом моя Бабочка расправила крылья страсти, и сомнения исчезли. Мы полетели вместе. Навсегда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net